

The book cover features a complex collage. On the left, a classical marble bust of a man's head is shown in profile, looking towards the right. Overlaid on the right side of the bust is a painting of a tree with sparse green and red leaves, set against a sky with large, white, fluffy clouds. The bottom half of the cover is dominated by a large, abstract, blue-tinted shape that resembles a modern architectural structure or a stylized landscape. The text is overlaid on this blue area.

Игорь Харичев

Будущее в подарок

Роман

Игорь Харичев

Будущее в подарок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954885

Будущее в подарок. Роман.: Вест-Консалтинг; Москва; 2012

ISBN 978-5-91865-151-3

Аннотация

Эта книга – попытка представить, какими будут мир и Россия через 50 лет. И речь идет, в первую очередь, не о развитии техники, а об изменениях, которые должны произойти в обществе и психологии людей. Герой книги Питер Морефф, сотрудник Интерпола, волею судеб получает возможность узнать, как будут меняться мир и Россия в первой половине XXI века и какой станет жизнь людей в 60-х годах нынешнего столетия.

Содержание

Раздумья над подарком	4
Глава 1	21
Глава 2	43
Глава 3	60
Глава 4	93
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Игорь Харичев

Будущее в подарок

Раздумья над подарком

«Я получил будущее в подарок»

Игорь Харичев

Получив такой подарок, герой романа изображает «нечто, наполовину весёлое, наполовину усталое, на лице», оставляя мне, читателю, возможность сложить из этих половинок нечто целостное.

Тогда мой первый вопрос: на какое расстояние во времени стоит отнести это будущее, чтобы оно оказалось наиболее интересно?

Ближайшее (очередной срок властных полномочий очередного президента?) – не очень: это мы и сами видим, это для нас, как принято теперь говорить, «прозрачно».

На срок, складно отдалённый (скажем, на век) – тоже не очень: через сто лет нас, нынешних, уж не будет, чего гадать.

Полвека – подойдёт?

В самый раз! Через 50 лет нынешний действующий молодой герой ещё имеет шанс увидеть то будущее, которое через нынешнюю «прозрачность» не углядишь.

Надо только найти ход и переселить героя на 50 лет вперёд.

Ну, это вопрос техники. Скажем, в 2011 году он ранен в ходе очередной антитеррористической операции, но не убит, — он впадает в кому, в коей находится ровно 50 лет, а потом, усилиями изощрившихся за эти годы медиков возвращается к жизни... да не стариком, одряхлевшим за эти годы, а молодым, каким был... Он же не жил полвека и не старел, он лежал в коме.

А теперь ожил и смотрит, какая вокруг жизнь.

Литературная техника в этой ситуации уверенно опирается на технику медицинскую. Чтобы установить кровать в желаемое положение, не надо ни самому её двигать, ни звать санитаров, ни даже искать кнопки, чтобы нажать. Достаточно «подумать», и кровать, снабжённая чуткой электроникой и настроенная на мысли больного, всё уловит и спокойно исполнит: уменьшит или увеличит наклон, а то и постель сменит.

Не без сожаления я отрываюсь на время от этой детализации грядущего быта и обращаюсь к общей картине мироздания в романе, названном «Будущее в подарок». Не потому даже, что за плечами Игоря Харичева полдюжины книг, озаглавленных не менее завлекательно («Кремлёвские призраки», «Кремлёвская секретарша» и т. д.) и сотни публикаций в боевой печати. А потому, что за его плечами — годы активной политической деятельности на арене борьбы против

советского образа жизни за чаемую демократию.

Как видит наше будущее (2060-е годы) человек, самые крутые 1990-е годы проработавший в Администрации Ельцина, конкретно – политтехнологом на выборах пяти составов Государственной Думы и соответствующего числа «субъектов Федерации» (бывшие обкомы партии), – вот это действительно интересно!

Хотя от думающей кровати и от других достижений нынешней цивилизационной техники (и быта, окружающего людей ежесекундно) я, конечно, совсем отвлечься не смогу. По причине естественного любопытства.

Если естественное любопытство не спугнуть правилами приличия, – я от кровати последую за героем в туалет: нет, там не золото, как мечталось нашему главному революционеру, там – убранство покруче: *«унитаз, раковина, стены – всюду серебристый металл, весьма приятный на ощупь, не охлаждающий пальцев при касании».*

Затем я оценю ванну, где кран сам выполнит все мыслимые указания.

«– *Уже научились управлять климатом?*» — понимающе спрошу я вместе с героем.

«– *Да, – будет ответ. – Экстремальную ситуацию не допускают».*

А если экстремальная ситуация возникнет не в глобальности, а в повседневности, – если, скажем, кто-то неизвестный полезет в дверь палаты?

А его встретит «железка».

«Эта железка одета в арамид, стрелять в неё бесполезно, а хватка у неё мертвая – схватит за руку, не вырвешься. К тому же, она делает видеозапись происходящего».

А если злоумышленник вооружён?

А вот и тебе пистолет. Программирован на владельца. То есть на тебя. Только на твой голос он будет реагировать, и ни на какой другой. Только в твоей руке он будет стрелять, и ни в какой другой.

А без кровопролития – никак?

Отчего же? Лишней крови теперь избегают. Попробуй мяско...

Герой взял в рот кусок жареной свинины.

«– Восхитительно! Никогда не был чревоугодником. Но испытываю истинное наслаждение. Не зря наши далекие предки любили мясо.

– Это искусственное мясо, – осторожно заметила Линда.

Питер опешил.

– Синтетическое?! Какой-то заменитель?

– Нет, оно настоящее. Но для его производства не надо выращивать животных, а потом убивать их. Сейчас выращивают непосредственно мясо.

Питер напряг память.

– Знаете, про такую возможность говорили в начале века... Тогда это воспринималось как смелая фантастика.

Рад, что получилось. Лучшие никого не убивать. И при этом вкусно кушать».

Сервировка стола включает предмет, поименованный так, чтобы мы оценили пролетевшие полвека:

«Старинный электрический чайник».

Но вернёмся в 2060-е. Жильё? Старинный принцип строить вверх, громоздя этаж на этаж, отменён. Куда безопаснее вкапывать жильё вглубь.

А как же виды из окон?

А в окнах – видеопанели. На них можно вывести любое изображение. Хочешь – лес. Хочешь – море с пляжем. Хочешь – «заснеженные вершины, упирающиеся в задумчивое синее небо». А хочешь – любой город Земли.

«В сущности, какая разница, что за окном – телевизор, показывающий далекую реальность, или настоящая панорама».

Впрочем, между городами Земли, предъявляемыми в видеопанораме, и этими же городами в реальности, разница всё-таки есть. Ибо есть возможность когда хочешь поехать куда хочешь.

«По пути в Москву они заскочили в Брюссель».

Нормально!

Теперь самое время обратиться к средствам передвижения. Поезда оставлю без внимания, там всё понятно: вагоны и кресла удобны, скорости стремительны, с билетами управятся роботы.

Куда интереснее автомобили.

Никакого руля. Садись, произносишь адрес. Автомобиль трогается. Без водителя. Аварии исключены. Они в принципе в принципе невозможны: компьютеры не нарушают правил дорожного движения, не отвлекаются, не допускают столкновений и наездов на пешеходов.

(Не удержусь от соблазна прокомментировать мысли, возникающие у героя в этой ситуации. – И никто не гоняет по встречной полосе? – удивляется он. – И никто не ездит по тротуарам? А тротуары – такие идеально чистые... – Вот так же Игорь Харичев, детство, юность и первая молодость которого прошли в Риге, – вспоминает вежливость прохожих на тамошних улицах, явно выдавая тем самым своё отношение к московскому неистребимому уличному хамству.)

Так едем! На окнах работают дворники, смывают капли с ветрового стекла. Зачем?! Ведь машина идёт сама, без водителя! А для удовольствия пассажиров. И никакого чада от выхлопов. Не на бензине ездят – на водороде. И полагаются на умелость роботов...

Нет. Каюсь в технической безмозглости. Компьютер, управляющий автомобилем – не робот. А робот ждёт нашего героя в квартире – он прикреплён к жильцу ради избавления того от готовки, стирки, уборки и прочих тягот быта. Робот этот, если хозяин забудет дать указания, сам свяжется с поставщиками продуктов, всё закажет и всё сготовит – вкусы хозяина введены в его программу. И с ребёнком такой робот

посидит, и в прятки с ним сыграет, и спать уложит, и уснёт в обнимку.

От живого человека такой робот уже и внешне не отличается.

А вот тут и зарыта собака. Такой неотличимый от человека робот может быть запрограммирован на преступление.

Ограбить банк. Устроить авиакатастрофу. Да просто выследить и угробить того, кого приговорят преступники.

Ответ общества на эту опасность: роботы, похожие на людей, запрещены законом.

Вот и добираемся мы до решающего сюжетного узла романа. Преступник, полвека назад покалечивший главного героя, сумел тогда скрыться. Он затаился. И продолжает свои преступления. Производит-таки роботов, неотличимых от людей, и пускает в дело. А главный герой его выслеживает и ловит, замыкая таким образом роман неизбежным в новой беллетристике детективным финалом.

Ещё одна сюжетная неизбежность – эротическая.

Имя – Линда. Психотерапевт. Прикомандирована к герою медиками следить за его состоянием на период реабилитации после комы. Обязанности свои выполняет неукоснительно.

Законы жанра диктуют герою следующее размышление:

«– А что, если она хочет заняться со мной сексом? Признаться, не отказался бы от этого. Красивая женщина с хорошей фигурой. В конце концов, оба – одинокие люди. По-

чему бы им не завести роман...»

Я жду следующего сигнала.

«Надо сделать всё, чтобы она осталась на ночь».

Господи, ну когда же!

...«Шагнул к ней, обнял. Она ответила страстным поцелуем. И тогда произошло то, что уже не могло не произойти.»

– Я так хотел этого... – прошептал он.

– Я – тоже, – прозвучало в ответ».

Больше я к этим жанровым неизбежностям не возвращаюсь. И начинаю комментировать главный, самый интересный для меня уровень повествования в книге Харичева: политическое устройство мира в 2060-е годы.

Жизнью человечества управляет единое мировое правительство. Текущие вопросы решаются голосованием: эксперты оглашают доводы «за» и «против», голоса подаются на «мультивизоры», техника исключает подлоги, решение объявляется тотчас.

На Луне работает колония: горняки в скафандрах, луноходы в руднике – идёт добыча лунного грунта, необходимого для термоядерной энергетики землян. На Земле полный порядок: земляне единодушны в своей приверженности установившемуся общему для них всех образу жизни.

Куда делись террористы, терзавшие землян в начале Двадцать первого века? – задаю я очередной каверзный вопрос. Исчезли. Отступил исламский экстремизм! *«Хотя време-*

ни для этого потребовалось много». Но полувек хватил.

Исчезли с карты человечества старые державы-монстры. На их месте учредились мирные, культурные, хорошо управляемые зоны.

И на месте России, которая исчезла – такие самоуправляющиеся зоны... Впрочем, «красочная карта» новой Европы настолько детальна в романе Харичева, что лучше дать цитату:

«Центральная часть России сохранила северные и западные границы. На северо-западе она граничила с единой территорией, называемой Скандинавия, вобравшей в себя Финляндию, Швецию и Норвегию. Там, где прежде располагались Эстония, Латвия, Литва и Калининградская область, лежала теперь территория Балтия. Дальше располагалась Польша. Белоруссия входила теперь в состав России, граница которой на юге соприкасалась не только с Украиной, но и Северным Кавказом, вобравшим в себя Краснодарский край, Ставрополье и все национальные республики, входившие прежде в Россию. А вот на востоке граница нынешней России определялась некоторым образованием, названным Урал, и лишь за Уралом начиналась Сибирь... Прежняя страна распалась на пять частей: собственно Россия, Северный Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток. При этом Дальний Восток теперь под китайцами. Такая вот картина».

Прежде, чем моё российское самосознание успевает отрече-

агировать на эту расчленёнку, – разворачивается обзор аналогичного устройства на других краях континента.

«Карта Европы. На месте Англии и Ирландии располагалась одна самоуправляемая территория под названием «Британия и Ирландия». Остались Германия, Франция, Испания с Португалией, Италия. На месте Бельгии, Нидерландов и Люксембурга появилась территория Бенилюкс. Дания вошла в Скандинавию, а Чехия, Словакия, Австрия, Швейцария, Венгрия образовали Центральную Европу. Вновь появилась Югославия. Сохранилась Греция. В состав Румынии вошла Молдавия...»

Последнее совсем уж неувидительно. Удивительно другое Единственная держава, сохранившая в новом мироустройстве прежние границы, – это США.

– Так это модель будущего человечества? – примериваюсь я к общеизвестной либеральной программе.

– С поправкой! – останавливает моё ехидство Харичев. – Это верно, что общество энергичного потребления – мечта человечества, наглядно осуществившаяся в США. Но обнаружилось, что земных ресурсов на такой потребительский безудерж надолго не хватит, и поэтому человечество приняло концепцию разумной достаточности, в пределах которой можно потребительство, сколько влезет, но не больше!

– То есть это всё-таки путь? – уже почти соглашаюсь я, – и тут картина накрывается с совсем другого боку: дело в том, что образцовую Америку (северную) подстерегает на-

циональный дисбаланс. Выходцы с Юга, из Латинской Америки уже составляют в Соединённых Штатах большинство, выходцы из Азии, с Востока – на втором месте, а белое население отступает...

Пока я соображаю, радоваться ли мне урону нашего соперника в мировом противостоянии XX века, – аналогичный дисбаланс настигает и мою сторону: в веке XXI русские тоже отступают – на евразийском пространстве; Дальний Восток уже говорит по-китайски, Сибирь – ещё по-русски, но ареал русской культуры неостановимо сдвигается на запад. Традиционные европейские языки отступают под давлением Юга и Востока... и русский, заполняя щели, расширяет поле своего воздействия.

«Разве это не важнее целостности территории?» – ставит мне вопрос автор романа, и, честно, я не готов к решительному ответу.

Меж тем, атака на моё русское самосознание разворачивается уже на почве отечественной истории. Русские сами виноваты в крахе великого государства: начиная с Иоанна Грозного, они делали ставку не на качество жизни населения, а на удержание пространства; Пётр Великий продолжил этот пространственный самогипноз; Иосиф Сталин довёл его до последнего предела. Россия не удержала захваченного ею пространства, и хорошо, что это стало, наконец, ясно...

Значит, русский образ жизни и мысли обречён на раство-

рение в нынешнем законопослушном мироустройстве?

Тут Игорь Харичев не то, что делает уступку, но отдает должное упрямству русской души: есть люди, которые всё ещё сопротивляются этому устройству, они не признают над собой никакого всемирного правительства с его чипами, позволяющими следить за человеком, где бы он – в пределах Вселенной – ни спрятался.

В пределах Вселенной гуманная всемирная власть оставляет таким русским упрямам клочок земли в Подмоскovie, где они могут жить по-своему, без тотального контроля. Называется этот район – по новой терминологии – депрессивным; пространство его свободно от чипов, жители – от всемирных голосований, идеалы – от комфортности, позволяющей жить, не напрягаясь, как живёт в наступившем будущем весь мир... за исключением вот этого уголка депрессивной русскости...

– Но, видать, и этот уголок обречён, как обречена оказалась Держава, тысячу лет державшаяся за своё (или за чужое?) пространство?

«Что всё-таки главное? Территория? Вера? Язык?» – выстраивает Харичев финальный баланс ценностей, обнаруживая явные признаки объективности, – но тут же демонстрирует и субъективную верность своей либеральной линии: посетив Москву после полувекового отсутствия, его герой не обнаруживает на прежнем месте Мавзолея, и это его «радует».

Меня такой вариант не радует, но это, как сказал как-то Вадим Кожинов, связано с особенностями моего воспитания.

Отвлекусь от воспитания и задам вопрос, воспользовавшись формулировкой самого Игоря Харичева:

«Что до страны, то она умерла. Но стоит ли об этом жалеть, если жизнь людей обустроена? Что важнее: жизнь людей или жизнь страны?»

Вот и посмотрим на «жизнь людей» – на то, как и чем живёт человек (в данном случае наш русский человек), обращённый наконец во всемирную веру, то есть поверивший в комфортную безопасность и разумную достаточность потребления.

Есть в этой неведомой жизни что-то узнаваемое. Герои романа «Будущее в подарок» всё время интересуются, когда им «принесут выпить». Пьют не что попало, а виски. Или изысканные вина, производимые в Чили или в Аргентине (к 2060 году в Европе виноградников не осталось). Выпив, непременно оценивают «тонкий изысканный вкус», «чутко наслаждаются букетом», а ополоснув горло «густой жидкостью с достойным зрелым вкусовым букетом», – воздают должное закуске, в которой особо ценится «сдержанный, но тонкий вкус Пармезана».

Оставаясь наедине с меню, герои «изучают кухни разных народов, традиции и предпочтения» и перечисляют все возможные сорта чая, «от чёрного индийского до зелёного, жас-

минного и красного, имбирного». Когда же трапеза доходит до основных блюд, я их не перечисляю из экономии места, а думаю о том, как сказалась на характере нашего человека тысячелетняя проголодь с периодическими голодухами, да и прихоти климата с его неурожаями, – кто ж упрекнёт жителя такого ненадежного пространства в том, что он никак не наестся?

Но, кроме пропитания, – чем живёт в будущем человек, добравшийся, наконец, до несбыточного прежде комфорта?

Развлекается. Расслабляется. Отдыхает в свободное время.

В свободное – от чего? От работы?

Но работа, от тяжести и грубости которой впору человеку сбежать, – переложена на роботов. Чем сам-то человек занимается?

Он занят теперь «в сфере услуг». То есть обеспечивает других занятых (тем же), когда те «просят выпить». (Лунная колония – исключение, на фоне которого особенно хорошо видно общее благоденствие).

«Что такое “Чернобыль”» – никто уже не помнит.

Чем занять людей, «чтобы у них хоть что-то было в головах», кроме бесконечных телесериалов и нескончаемого голливудского мордобоя?

Задаю в этой связи традиционно-русский вопрос: а что в 2060-м году люди читают?

Книги очень дороги, и читают их только богатые оригиналы.

налы. Русскую классику ценят больше за рубежом: с удивлением открывают Достоевского, обнаруживая там немало интересного. Основная же масса обходится без книг. Потребляют интернетное.

«Жизнь как сплошное развлечение – идеал и цель многих», – честно завершает Игорь Харичев очерк жизни русского человека, дошедшего наконец до потребительской нормы.

И тут я задаю самый последний и самый дикий вопрос: а сохраняется ли у этих счастливых хоть капля безумия?

Безумие – приберегаемая природой на всякий случай готовность к непредвиденным условиям и действиям, – та сумасшедшинка, которая в принципе есть у всех людей, у всех народов, во всех социальных слоях, – но в русской традиции окружена загадочным флёром и носит яркое, летящее, всеобъясняющее имя: «Дурь».

Я прочёл роман Харичева и утверждаю, что нет у автора не только ясного суждения на этот предмет, но нет и подозрения, будто нечто подобное может наличествовать в психологии людей грядущих 2060-х годов.

Так на что же опирается он в своей футурологии?

На интеллект!

На чей? На интеллект большинства, между развлечениями голосующего с помощью роботов?

«Диктатуру большинства надо сменить диктатурой интеллекта», – сформулировано под занавес.

Господи! Да не великие ли интеллектуалы (Маркс, Эн-

гельс и их умнейшие соратники и ученики) стояли у истоков самой крутой диктатуры в новой человеческой истории и даже пустили по Европе признак коммунизма?

А нацизм гитлеровский – обошёлся ли без умников, доказывавших полезность выведения высшей расы для развития человечества? Не буду записывать в такие умники людей вроде Розенберга, – но если бы фашистский ужас не заставил человечество прихлопнуть этот эксперимент, – нашлись бы философы – подвели бы базу! Без «Заратустры» бы не обошлось, хотя, к счастью для Ницше, его завербовать не успели – сошёл с ума вовремя.

К чему только не оказывается причастен интеллект в безумной человеческой истории! На чьей только стороне не находят ему место! Как только не ухитряется он сохранять присутствие духа и приличное выражение лица!

Получив в подарок будущее, герой романа Харичева, как мы помним, *«изобразил нечто наполовину веселое, наполовину усталое на лице»*.

Это «нечто» не вызвало у меня вопросов, а вот что оно «на лице» – показалось синтаксически странным.

И тут же обнаружилось нечто близкое:

«Линда состроила нечто неопределенное на лице».

А вдруг это не небрежность синтаксиса? Вдруг это лейт-мотив?

Жду сигнала.

Вот он:

«Вежливое выражение устроилось на ее округлом лице».

И еще:

«Детское выражение выкатилось на его лицо».

И еще:

«Линда состроила удивленное выражение».

И даже так:

«Злоба гуляет по ее лицу».

Так это не оплошности стиля! Выражение лица у человека будущего – это продуманная система адаптации в мире, где царит всеобщий обязательный порядок поведения. Его нельзя нарушить, но можно вытерпеть, спрятав «нечто» за выражением «на лице».

Согласен. Будущее неотвратимо. Его не избежать. Его надо вытерпеть.

Но для этого над будущим надо думать. Непрерывно, трезво и по возможности бесстрашно.

Чему и даёт пример Игорь Харичев.

Лев АННИНСКИЙ

Глава 1

– Где я? – тихо спросил Питер.

– В больнице, – спокойно ответил один из тех, кто стоял рядом. Как и другие, в белом халате, в белой шапочке. Но чувствовалось, что он здесь главный.

– Что случилось?

– На вас было совершено покушение. Не помните?

Да, он помнил. Он шел по старой Риге, возвращался в свою гостиницу. Было за полночь.

Он засиделся в конторе. Удалось раскопать интересные сведения. И вдруг рядом затормозила машина. Потом – вспышки из открытого окна передней дверцы.

– Помню, – медленно проговорил Питер.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально.

Питер осмотрелся. Помещение было каким-то странным, незнакомым – громадные прямоугольные окна от самого пола, высокие потолки, стены из тускло поблескивающего металла. Помещение не походило на больницу. Скорее, лаборатория. Что за место?

– Где я нахожусь? – повторил он.

– В больнице.

Питер еще раз окинул взглядом подступающее к нему пространство.

– Какой сейчас год?

– Две тысячи шестьдесят первый. – Ясные голубые глаза говорившего смотрели серьезно, уверенно.

Что? Две тысячи шестьдесят первый?! Вот почему такое странное нутро у этой больницы.

– Но как... – он замолк.

Тот, который, похоже, и в самом деле был главным, понял.

– Вы очень долго были в коме. Чуть меньше пятидесяти лет. Двух месяцев не хватило. – Говоривший непринужденно развел руками. – Да, фактически пятьдесят лет. Благодаря последним достижениям науки удалось вернуть вас к жизни.

Пятьдесят лет. Полвека! Неужели так много? Питер верил – его не обманывают. С какой стати? И все-таки не уместилось в голове: такой огромный срок. Пятьдесят лет! Тут он грустно усмехнулся, глянул на человека, говорившего с ним.

– Одного не понимаю – как решились поддерживать мое существование целых полвека?

Вопрос не вызвал затруднений у собеседника:

– Вы – сотрудник Интерпола. Пострадали при выполнении задания. Прежде за вас платила межгосударственная структура. А последние двадцать лет – ВБР.

– Что это – ВБР?

– Всемирное бюро расследований. Возникло на базе Интерпола.

Питер помолчал, осмысливая и вдруг озабоченность отразилась на его лице.

– У меня была жена. – Он сам удивился, как глухо прозвучал голос. – И дочь.

– Мы уже выяснили. Ваша жена умерла в две тысячи двадцать третьем году. Сожалею. Что касается дочери, мы не смогли проследить ее судьбу. Ей было двадцать, когда умерла ваша жена. Знаем только, что она училась в Сорбонне, и более ничего.

Эти слова придавили его. Никого из дорогих ему людей не осталось?

– Отчего умерла Мария?

Тот, кто вел с ним разговор, на секунду отвел глаза.

– Затрудняюсь сказать. – Он выглядел сконфуженным.

– Вы не знаете? – усомнился Питер.

– Нет.

Похоже, и вправду не знал.

– А мои родители, конечно, умерли?

– Да. Это случилось вскоре после покушения на вас. Они были уже пожилыми людьми.

Пожалуй, так. Но Мария... Что случилось с ней? Питер вновь глянул на говорившего.

– Простите, кто вы?

– Я — член правительства. Министр информации. Отвечаю за информационное обеспечение граждан Земли. Меня зовут Курт Зайдель.

Питер зачем-то еще раз огляделся по сторонам.

– Я в Германии?

– Нет. Во Франции. В Париже. – Министр смотрел на Питера весьма доброжелательно.

– Но... почему мы говорим по-русски?

– Вы по-русски спросили: «Где я?» – и тем задали язык разговора. – Чистенькая улыбка не сходила с его лица. – Вас должны снять для выпуска новостей. То, что удалось вывести вас из комы, очень важно. Жители Земли должны узнать, что герой, жертвовавший собой ради всеобщего блага, вернулся к жизни и чувствует себя хорошо.

Питер попытался приподняться на кровати.

– Я встану.

– Нет-нет, не надо, – всполошился Зайдель.

– Я чувствую себя хорошо, – попытался он убедить министра.

– Не надо. Лучше, чтобы вы лежали. В крайнем случае, полулежали. Пусть кровать изменит положение. Прикажите ей. Она слушается лежащего.

Питер посмотрел вниз, на кровать – неужто с ней можно разговаривать?

– Хочу полулежать, – осторожно выговорил он.

В тот же миг верхняя часть кровати плавно приподнялась. Теперь ему удобнее было смотреть на стоявших перед ним людей.

– Не забывайте улыбаться, – продолжил министр.

– Это послужит подтверждением вашего хорошего самочувствия. Между прочим, благодаря мультивидению суще-

ствует реальная возможность отыскать вашу дочь. Если она жива, — а я надеюсь, что это так, — она увидит вас.

— А вдруг ее не будет около телевизора в этот момент?

В лице министра появилось нечто покровительственное.

— Жители Земли обязаны смотреть специальные выпуски по мультивизору. Это относится и к Лунной колонии.

— Там есть колония? — вежливо удивился Питер.

— Да. Уже двадцать восемь лет. — Министр повернулся к стоящим рядом людям, повелительно произнес, теперь уже по-английски. — Пригласите прессу.

Несколькими секундами позже двери открылись, в просторную палату стремительно вторглось человек двадцать мужчин и женщин, одетых весьма пестро. У некоторых в руках были небольшие приспособления. Питер понял — операторы.

Вся группа остановилась перед кроватью. А министр оказался рядом с Питером.

— Господа! — Министр поднял руку, требуя тишины.

— Господа, рад представить вам героя, пришедшего в себя после пятидесяти лет пребывания на грани смерти. Питер Морефф, господа, человек, рисковавший своей жизнью ради всеобщего блага. Прекрасно, что наша медицина смогла вырвать его из лап смерти. Господа, вы можете задать господину Мореффу вопросы.

Молодая красивая брюнетка с вытянутым, холеным и явно стервозным лицом, обратилась к нему:

– Как вы себя чувствуете, господин Морефф? – Голос у нее был низкий, хорошо поставленный, выговор явно оксфордский.

– Прекрасно.

– Вы помните, как на вас покушались?

– Да.

– Пожалуйста, расскажите нашим зрителям.

– Я возвращался в свою гостиницу. Было за полночь – я задержался в отделении Интерпола. Улица была пустынной. И вдруг рядом затормозила машина. Черная. Кажется, «БМВ». Я успел увидеть вспышки из открытого окна передней дверцы.

– Где это произошло?

– В Риге, столице Латвии. Мы ловили там транснациональную банду преступников, которые обеспечивали доставку наркотиков из России в Западную Европу, а также торговали оружием.

Молодой бойкий парень с короткой стрижкой поднял руку, стараясь привлечь внимание.

– Господин Морефф, а тех, чью деятельность вы расследовали, поймали?

– Я этого не знаю. К сожалению.

Тут свое слово сказал министр.

– Их поймали, – уверенно заявил он. – Можете в этом не сомневаться.

Еще одна женщина, постарше той, первой, и с более пыш-

ными формами, подняла руку.

– Господин Морефф, скажите, пока вы находились в коме, вы как-то реагировали на проявления внешнего мира? Вы слышали, что происходит рядом?

– Нет, – с чистосердечной улыбкой произнес он.

– А были у вас какие-то видения? Картины потустороннего мира?

– К сожалению, нет.

– Но он существует? – Нечто лукавое светилось в ее взгляде.

– Потусторонний мир?.. Может быть. Но мне его не показали. Наверно, еще время не настало.

– Какие у вас планы на будущее?

– Хотел бы продолжить работу по специальности.

Подчеркнуто-вежливые выражения приклеились к лицам. Питер понял, что сказал опрометчивые слова – куда ему работать в спецслужбах после пятидесяти лет в коме! Пока он лихорадочно думал, что еще сказать, министр пришел ему на помощь.

– Господа, спасибо за внимание. У вас еще будет возможность встретиться с господином Мореффом. А сейчас ему необходимо восстанавливать свои силы.

Та ведущая, которая первой задавала вопросы, вежливо проговорила:

– Господин Морефф, от всех жителей Земли желаем вам поскорее выздороветь.

– Спасибо, – поблагодарил Питер.

Представители прессы покинули палату столь же оперативно, как и появились в ней. Питер с интересом посмотрел на министра.

– Господин Зайдель, вы сказали, что тех, кого я преследовал, поймали.

– Да.

– Как вам удалось это выяснить?

– Я не имел возможности это выяснить прямо сейчас. – Лицо министра сохраняло невозмутимость. – Но так должно быть. Зло не может остаться безнаказанным.

Питер промолчал, хотя ему не понравилось то, что он услышал. Зло необходимо наказывать. Только зачем врать?

Невысокий круглолицый мужчина в белом халате и шапочке, из-под которой выглядывали черные волосы, подошел к Питеру. Он держал какое-то небольшое устройство, напоминающее пистолет.

– Господин Морэфф, вам надо имплантировать чип. – У него был приятный бархатистый голос. – Это необходимо для вашей безопасности. Сейчас такой чип имплантируется каждому из жителей Земли в младенческом возрасте. Это не больно.

– Зачем нужен чип?

– С его помощью определяют личность и получают данные о состоянии здоровья. Можно легко найти любого, кто нуждается в экстренной медицинской или иной помощи. И

еще много чего.

Он дотронулся устройством до правого плеча Питера. Процедура и в самом деле почти не вызвала боли – небольшой укол, и всё.

– Теперь вы – полноправный член общества, – не без пафоса проговорил министр, перейдя на немецкий. – Добро пожаловать в наш мир. Он более комфортный для жизни, более гуманный, чем тот мир, который вы помните. – Министр сделал паузу, подпустив доброжелательности на энергичное лицо.

– Чтобы вы быстрее привыкли к нынешней жизни, с вами некоторое время побудет доктор Андерсон. Она психотерапевт.

Министр указал на женщину, стоявшую рядом с ним. Она сдержанно кивнула Питеру.

– Здравствуйте, господин Морефф, – по-русски произнесла она.

– Здравствуйте, госпожа Андерсон. Вы знаете русский язык?

– Не слишком хорошо... Я постараюсь вам помочь. Вы можете обращаться ко мне по имени – Линда.

– Спасибо. Я заранее благодарен вам за то, что вы готовы помочь мне адаптироваться к нынешней жизни. Подозреваю, что за пятьдесят лет мир сильно изменился.

– Вы правы.

Эта Андерсон была весьма привлекательной дамой лет

под сорок – стройная, с продолговатым худощавым лицом и умными голубыми глазами. Скандинавское происхождение чувствовалось в ней.

– Ну, я вас покидаю, – нетерпеливо проговорил министр. – Но мы будем следить за вашими успехами. Будем информировать о них землян и жителей Лунной колонии. Всего доброго.

Вежливо кивнув, он удалился быстрой, но весьма изящной походкой, увлекая за собой остальных. В просторной палате остались только госпожа Андерсон, доктор, который произвел имплантацию чипа, и еще один мужчина в белом халате, молодой, смуглолицый, похожий на уроженца Ближнего Востока.

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор.

– Хорошо. – Питер продемонстрировал бодрое выражение лица и предпринял попытку сесть на кровати. Это удалось после немалых усилий.

Ему хотелось двигаться. Опустив ноги на пол, он попробовал встать. И упал. Ноги совсем не держали. Это было странно, обидно.

Доктор и тот второй, смуглый, кинулись к нему, подняли, вернули на кровать.

– Не удивляйтесь, – голос доктора наполняла снисходительность. – Пятьдесят лет без движения не могли кончиться ни чем иным. Вашим мышцам необходимо восстановление. Мы вам поможем. Мы уже работаем над этим последнюю

неделю. Современная медицина может многое. Но и вам надо будет приложить свои усилия. Немного позже.

Слова доктора звучали так многообещающе... Но у Питера возникли некоторые опасения. Он осторожно проговорил:

– Такое лечение, наверно, стоит недешево.

– Вам не стоит беспокоиться на этот счет. – Лучезарная улыбка округлила щеки доктора. – Теперь за вас платит Министерство информации.

В очередной раз Питер был удивлен.

– Зачем они это делают?

– Вы – хорошая новость. Торжество справедливости. Давайте приступим к процедурам по восстановлению двигательных функций мышц.

– Давайте. Но, быть может, сначала познакомимся? Вы меня лечите, а я не знаю, как вас зовут.

– Да, конечно. Давид Кацав. Мой ассистент – доктор Мохаммед Ашруни.

Ассистент, разворачивавший какой-то прибор, повернул голову и кивнул, как бы подтверждая – он и в самом деле Мохаммед Ашруни.

Пижама была снята. Питер смущенно покосился на доктора Андерсон – та отошла на несколько шагов и целомудренно смотрела в сторону.

Облегающие накладки были надеты на его ноги выше и ниже колен, то же самое произошло с руками. Он почувство-

вал небольшое покалывание.

– Всё нормально? – поинтересовался доктор Кацав.

– Да, – ответил он.

– Я повышу интенсивность.

Теперь его мучила щекотка в мышцах. Питер терпел, хотя это было непросто. Лежал, стиснув зубы. «Надо же, испытание щекоткой, – говорил он себе. – Кто бы мог подумать... Две тысячи шестьдесят первый год. Может быть, меня разыгрывают? Зачем? Просто, чтобы разыграть? Навряд ли... Господи, как щекотно. Я попал в две тысячи шестьдесят первый год. Фантастика.

Интересно, что там, за стенами этого здания? Жаль, что Мария умерла. А Виктория? Где она? Мне так хочется ее увидеть. Но если это произойдет, кого я увижу? Я помню ее семилетней. А ей сейчас пятьдесят семь. Господи, моей дочери уже пятьдесят семь... Как я хочу увидеть ее...»

Не мог он представить дочь немолодой женщиной. Хотелось верить, что она осталась той, какой была полвека назад – веселой, бойкой девчушкой с короткой стрижкой. В пять лет она почему-то боялась качелей, и ему пришлось немало помучиться, чтобы приучить ее к этому развлечению. Зато в семь она качалась так лихо, что Питер боялся за нее.

Испытание щекоткой наконец закончилось. Доктор Кацав подошел к нему с небольшим устройством, приложил к предплечью. Питер ощутил слабый укол.

– Мы даем вам стимуляторы мышечной активности, –

увлеченно пояснил доктор. – Самые новые препараты. В сочетании с физиотерапией обеспечивают прекрасный результат. Все, можете отдохнуть. Вы хотите есть?

Питер, не думавший до того о еде, почувствовал голод.

– Да, – сказал он.

– Я попрошу, чтобы вам принесли еду. Пока что вам следует принимать жидкую пищу. Ваш желудок напрочь позабыл про твердую. Но мы снимем эту проблему. Все будет нормально. – Он говорил с предельной доброжелательностью. – Мы вас покидаем на время.

Кацав и Ашруни удалились, а доктор Андерсон поднесла к кровати странный прозрачный стул и села на него.

– Вы не устали? – спросила она.

На его лице помимо воли появилось снисходительное выражение.

– Нет.

– Вы должны учитывать, что сейчас ваше физическое состояние совсем не то, каким оно было накануне покушения, – тактично проговорила она. – Через некоторое время все восстановится. Но пока что вам следует... соблюдать осторожность.

– Спасибо за предупреждение. Вы правы. Я об этом не подумал. Но я на самом деле не устал. И готов потренировать свои мышцы.

– В этом нет необходимости. Процедуры весьма эффективны. А в промежутках лучше дать мышцам покой. Если

вы не против, я хотела бы...

В этот момент двери плавно раскрылись, в палату въехал сервировочный столик, а следом за ним явилось странное белое создание, ростом с человека, с большими черными глазами на голове, с руками-ногами. Питер догадался – робот.

Столик подъехал к самой кровати. Несколько плошек стояло на его поверхности.

– Ваш обед. – У робота был бархатный женский голос, говоривший по-английски. – Вы сами сможете поесть, или вам помочь?

– Попробую сам. – Питер не без труда привстал, пытаясь занять полусидячее положение.

– Скажите кровати, – напомнила Линда.

– Мне надо сесть, – произнес Питер и почувствовал появившуюся опору для спины.

Робот протянул матерчатую салфетку:

– Пожалуйста.

Вслед за тем Питер получил одну из плошек и ложку. Что-то, напоминавшее суп-пюре, было весьма приятно на вкус. Питер съел все до последней капли. После этого к нему в руки попала плошка с овсяной кашей, жидкой, но вкусной, на молоке. Завершал обед апельсиновый сок, свежавыжатый, ароматный.

– Прошу вас вернуть салфетку. – Робот протянул к нему руку с белыми пальцами. – Надеюсь, вас устроил обед?

– Устроил. – Питер кивнул с тихой усмешкой. Странно

было говорить с таким существом.

– Я прощаюсь с вами до вечера. Если только вы не позволите меня раньше.

Робот уехал, забрав с собой сервировочный столик. Проводив его насмешливым взглядом, Питер глянул на симпатичного психотерапевта.

– Вы что-то хотели спросить?

– Да. Мне важно побольше узнать о вас. Моя задача – сделать процесс социальной адаптации максимально коротким. Вы англичанин?

– Я – британский подданный. Но мои родители были русскими. Я назван в честь русского деда. Питер по-русски звучит как Пётр.

– Вы хорошо знаете русский язык?

– Можно так сказать. – Помолчав, глянул на нее с полным добродушием. – Достоевского читал в оригинале.

– Достоевского?.. – Она силилась вспомнить. – Это писатель?

– Да. Весьма известный за пределами России.

Она пожала плечами.

– Я такого не знаю.

Питер удивился: Достоевский вышел из моды? Но не стал ничего более спрашивать. Боялся проявить нетактичность. В конце концов, не каждый любит серьезную литературу.

– А книги остались? – спросил он.

– Да.

– Я имею в виду обычные книги, из бумаги.

– Остались. Есть любители читать по-старому, держа в руках раскрытую книгу, пальцами перелистывая страницы. Но такие книги весьма дорого стоят. Гораздо дешевле купить электронную книгу. При этом нет необходимости самому читать ее. Можно включить озвучивание, медленное или быстрое. Но даже такие книги менее популярны по сравнению с объемными видеофильмами.

Это было ему знакомо. Телевизор начал вытеснять книги еще в конце двадцатого века, а потом к нему добавился Интернет, породивший людей, живущих в виртуальном пространстве, но серьезную литературу не читающих даже в электронном виде. Большинство предпочитало развлечения всему остальному. Беспокоясь о нравственных устоях, британское правительство финансировало показ вечерами по основным телеканалам просветительских фильмов и передач. Это были отменные фильмы и совсем не скучные телепередачи. В Британии хоть что-то делалось, а в России, насколько знал Питер, телевидение только развлекало... Он тревожно глянул на доктора Андерсон.

– А что произошло с Россией?

– Такая территория существует.

Непонятное слово резануло ухо.

– Территория?! Что значит... «территория»? А государство такое есть?

– У нас теперь нет государств. Есть самоуправляемые тер-

ритории.

– Великобритания тоже самоуправляемая территория?

– Да, конечно.

– И Франция?

– Разумеется.

– А Россия? Она не распалась? Там дела шли не очень хорошо перед тем, как я попал в переделку. Существовала опасность катастрофы.

– Так оно и произошло. Там был серьезный кризис, Россия распалась на несколько частей. Пришлось вводить международные силы для поддержания порядка. Но в последние лет сорок там все нормально. Стабильность и процветание, как и в остальных частях Земного шара. Есть самоуправляемая территория Россия, есть самоуправляемая территория Сибирь, есть самоуправляемая территория Дальний Восток.

Все это было странно слышать – самоуправляемые территории, новые границы. Что осталось? Питер глянул на доктора Андерсон.

– Вы не скажете, на каком языке разговаривают жители этих территорий?

– Всемирный язык – английский, – как нечто само собой разумеющееся пояснила она. – Вместе с тем, на территориях используется в качестве второго местный язык. В России и в Сибири это русский язык, а на Дальнем Востоке – китайский.

«Господи, там китайцы, – мелькнуло у Питера. – А что же с их громадной страной?»

– Китай тоже самоуправляемая территория?

– Там, где было государство Китай, сейчас несколько самоуправляемых территорий. Кажется, пять или шесть.

– Тайвань – одна из них?

– Да... Кстати, вы можете не беспокоиться насчет русского языка. Он весьма распространен в Западной Европе. В качестве третьего языка, а кое-где – и в качестве второго.

Питер с удивлением глянул на нее. Как это понимать?

– Вначале много русских приехало сюда из стран Балтии, где к ним относились не очень хорошо из-за оккупации этих стран Советским Союзом, а потом была большая волна эмиграции из России, когда там начались кризисные явления. Так что в Западной Европе давно живет много ваших соотечественников. Они стали ее неотъемлемой частью.

– Их нормально восприняли? – аккуратно поинтересовался Питер.

– Вполне. На многих территориях русские помогли сохранить перевес христианского населения по отношению к мусульманскому. Тогда оно возрастало слишком быстро и при этом плохо интегрировалось в европейскую культуру. Такой поворот разговора не мог не заинтересовать Питера. Провал политики мультикультурализма признали в Германии и Франции еще тогда, пятьдесят лет назад. Но куда больше тревожил мусульманский экстремизм, который в начале века угрожал Великобритании, как и другим странам Западной Европы. А в России страшные теракты случались чересчур

часто.

– Значит, удалось наладить диалог между культурами?

– Удалось.

– А мусульманский экстремизм, который всерьез проявил себя в начале века?

– Мы уже более тридцати лет не знаем этой проблемы.

– Как же она была решена?

– Насколько я знаю, несколькими путями. Удалось взять под контроль источники, из которых финансировалась деятельность радикальных мусульманских организаций. Кроме того, международные силы блокировали незаконные поставки радикалам оружия и боеприпасов. Прежде всего, из России. Но не только. Наконец, были уничтожены все лидеры, выступавшие за продолжение террора. Одновременно предпринимались усилия по улучшению социальной обстановки в бедных мусульманских странах.

– Разумные меры, – признал Питер.

– Да и население этих стран в какой-то момент устало от исламских радикалов: от постоянного насилия, от взрывов, которые они устраивали, от кровавых разборок между шиитами и суннитами. В результате экстремизм отступил. Хотя времени потребовалось много.

Питер был доволен таким исходом. Через секунду он вновь оживился.

– А русская православная церковь? Она пошла на сотрудничество с католической?

Ее лицо выразило сдержанное недоумение:

– Разве она отказывалась?.. Мне об этом не известно.

Похоже, такой проблемы теперь не существовало.

– А экономический кризис? Он разразился во второй половине две тысячи восьмого и фактически не закончился до того, как меня... ранили. С ним удалось справиться?

– Кризисы в экономике были и позже. До тех пор, пока не появилось Всемирное правительство. Процессы глобализации требовали этого. Единая в масштабах Земли экономика должна действовать по единым законам и регулироваться из одного центра.

Как сильно изменился мир. Сколько всего успело произойти.

– Давно существует Всемирное правительство?

– Более тридцати лет.

– И как оно избирается?

– Всеобщим голосованием. Раз в четыре года.

– Министры представляют какие-то всемирные партии?

– Нет. Таких у нас не существует. Партии давно потеряли свое значение. Они еще действуют в пределах некоторых территорий. Но большой роли не играют.

«Этого следовало ожидать, – заключил Питер.

– Ничего удивительного». Уже тогда, в начале века, партии всё более превращались из инструмента представительства интересов граждан в некие самостоятельные организации, позволяющие делать карьеру тем, для кого политика

стала ремеслом.

– А кто руководит территориями?

– Органы самоуправления.

Он покосился на Линду.

– А этот... Зайдель, он министр Всемирного правительства?

– Да.

Питер сдержанно улыбнулся.

– Я, признаться, до сего момента не понимал, какого правительства он министр. Занятная личность... – Чуть позже лицо его посерьезнело. – Хотелось бы вот еще что выяснить: тогда, в начале века, все большей проблемой становилось безудержное потребление, которое началось в Северной Америке, а потом захватило значительную часть жителей Земли. Проблема вовсе не в том, что это было не слишком... интеллектуальное существование: жить только для того, чтобы потреблять. Дело в другом – всё более распространялся стиль жизни, который ресурсы Земли никак не могли обеспечить. Хорошие вещи выкидывали не потому, что они испортились, а потому, что вышли из моды. Но зачем выкидывать мобильный телефон, куртку или туфли только потому, что видом они не совсем походят на рекламную картинку?

– Это ушло в прошлое, – все тем же ровным голосом принялась объяснять доктор Андерсон. – Общество серьезно изменилось в тридцатые годы. Мы перешли на концепцию ра-

зумной достаточности. Сейчас не принято иметь помногу одних и тех же вещей. Не принято выбрасывать вещи и устройства, пока они нормально выполняют свои функции. Если что-то может быть в общественном пользовании, то это находится в общественном пользовании. То есть разумное сочетание удовлетворения потребностей и экономии ресурсов.

Да, мир изменился очень сильно. И, похоже, в лучшую сторону. А Виктория? Где она? Чем занята? Есть ли у нее семья? Дети? «А ведь ее дети – мои внуки, – с каким-то детским удивлением подумал Питер. – Им, наверно, уже за двадцать. Подумать только – у меня могут быть взрослые внуки...»

Его мечтательная улыбка озадачила Линду:

– Вы что-то вспомнили?

– У меня могут быть взрослые внуки, – несколько смущенно проговорил он. – Понимаете, я не ощущаю, что прошло полвека. Мне странно, что им может быть больше двадцати лет.

Он все-таки устал. Прикрыл на время глаза.

– Хотите отдохнуть?

– Да, немного, – сознался он.

– Я вас на время оставляю.

Поднявшись, она плавно прошла к выходу. Питер заснул сразу после того, как закрылась дверь за доктором Андерсон.

Глава 2

Его разбудили негромкие звуки. Доктор Кацав и доктор Ашруни готовили к работе прибор, тот самый, который уже применяли. Вновь была снята пижама. Облегающие наклад-ки охватили ноги выше и ниже колен. Потом – руки выше и ниже локтей. Он почувствовал уже знакомое покалывание.

– Повышаю интенсивность, – сообщил доктор Кацав.

Питера опять мучила щекотка в мышцах. И опять он терпел. На этот раз процедура продолжалась дольше, чем прежде.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился Кацав, едва наклад-ки были сняты.

– Нормально, – с легкостью ответил Питер. – Когда я смо-гу ходить?

– Через два или три дня. Если все пойдет так, как мы рас-считываем.

Ему казалось, два-три дня – чересчур много. Как выдер-жать столько? Им владело нетерпеливое желание поскорее покинуть эту палату, вторгнуться в большой мир, тот, кото-рый он совсем не знал, но страстно хотел узнать.

– Может быть, мне самому потренироваться? – Он смот-рел на доктора Кацава с надеждой.

– В этом нет необходимости. Процедуры достаточно эф-фективны. Отдыхайте. Доктор Андерсон скоро придет.

Он вовсе не нуждался в докторе Андерсон. Ему хотелось побыть одному, поразмышлять о важных для него вещах. Как это – перенестись во времени? Он перенесся. На пятьдесят лет вперед. Правда, не в машине времени. Которой, скорее всего, и быть не может. Какая разница. Все эти годы как бы не существуют для него. Пронеслись незаметно. Теперь он в ином времени. Иная жизнь – там, за пределами этой палаты, этого здания. Иные люди. Самое удивительное было в том, что он мог коснуться этой жизни, выйти за пределы этого здания, узнать этих людей, то, как и чем они живут.

Дверь пропустила в палату доктора Андерсон. Высокая женщина, двигавшаяся плавно и с достоинством, вновь появилась передним. Продолговатое, аккуратное лицо излучало приветливость.

– Как вы себя чувствуете, господин Морефф?

– Хорошо, – бодро ответил он, потом сдержанно усмехнулся. – Насколько это возможно в моем положении... Госпожа Андерсон, скажите, насколько нынешняя жизнь отличается от той, которая была пятьдесят лет назад? Я не про технику. Я про жизнь обычного человека. Чем он сейчас живет?

Глянув на него внимательными глазами, она села на стул.

– В этом вопросе я вижу ваши опасения перед тем миром, с которым вам предстоит познакомиться, – сколь тактична была ее интонация. – Уверяю вас, люди не изменились за прошедшие полвека. Их волнует всё то же, что и раньше.

Взгляд Питера наполнился озорством.

– Жажда власти, денег, славы?

Легкая улыбка скользнула по ее лицу.

– Для кого-то – да. Но большинство хочет жить нормальной жизнью: иметь работу, семью. Ни в чем не испытывать нужды. Интересно проводить свободное время.

Питер смотрел на нее с некоторым сомнением.

– А что изменилось? К чему вы меня должны готовить?

– Изменился ритм жизни, объем информации, с которым сталкивается современный человек. Нагрузки сейчас более высокие, чем в ваше время.

– И как, люди справляются?

– Не всегда. Серьезная проблема – нервные срывы. И у молодых, и у тех, кто постарше. Для психотерапевтов много работы. – Ее лицо хранило вежливое спокойствие. – Как вы спали?

– Нормально.

– Что вам снилось?

– Не помню... Во всяком случае, ничего неприятного. Иначе бы я запомнил.

– Что-нибудь вас волнует?

Он стушевался.

– Да... Мне надо... в туалет.

– Никаких проблем, – невозмутимо произнесла она. – Вызовем работа-медсестру.

Она повернулась к двери, которая минуту спустя раскры-

лась, пропуская внутрь искусственное создание, призванное помогать больным.

– Господину Мореффу нужна помощь, – по-русски произнесла Линда. – Ему необходимо справить нужду.

– Будет сделано, – деловито проговорил робот, развернувшись, выехал из палаты и через несколько мгновений появился вновь с больничной уткой в механической руке. Приблизившись к Питеру, он протянул свободную руку, схватил краешек одеяла, намереваясь поднять его.

– Не надо! – Питер смутился. – Я попробую сам сходить. Где туалет?

– Там. – Робот показал механической рукой на одну из небольших дверей, расположенных сбоку.

Питер не без труда сел на кровати, свесил ноги, поставил ступни на пол.

– Вам не стоит этого делать, – услышал он голос доктора Андерсон. – Послушайте, мистер Морефф...

– Я все-таки попробую.

Опираясь руками на край кровати, он поднялся. И чуть не упал – его повело вбок. Если бы не робот, подставивший руку, Питер не удержал бы равновесия.

Он сделал несколько шагов. Как странно было ощущать ненадежность собственных ног. Робот помогал ему, плавно передвигаясь рядом. Так, через силу, опираясь на механическую руку, он дошел до аккуратного прямоугольника двери, собрался отворить ее, но дверь двинулась сама, открывая

проход.

Его удивило убранство туалета: унитаз, раковина, стены – всюду был серебристый металл, весьма приятный на ощупь, не охлаждающий пальцев при касании. Кран, который включает воду сам, едва опускаешь руки в умывальник, Питер видел еще тогда, пятьдесят лет назад. А вот регулировки отсутствовали. Но едва он пробормотал в недоумении: «Как же сделать погорячее?» – вода стала теплее. Случайность? «Больше струю», – сказал Питер. И тотчас вода сильнее хлынула ему на руки. Кран понимал то, что ему говорят.

С не меньшим трудом Питер вернулся на кровать. Робот безмолвно двигался рядом, помогая ему. Лишь когда Питер лег, он проговорил скороговоркой:

– Вы – настойчивый, мистер Морефф. Это хорошо.

Питер с удивлением покосился на робота – он умеет оценивать поведение людей? Надо же!

– Где их производят? – теперь он смотрел на доктора Андерсон. – В Китае?

– Почему только в Китае? Основные промышленные зоны расположены также в Индии, Бразилии, России. Кстати, можете говорить с ним по-английски или по-французски. Как вам удобнее.

– Да, – робот в момент перешел на французский, – можете говорить со мной на том языке, на каком вам удобнее. Я полностью к вашим услугам.

Постоянное упоминание о языках насторожило Питера.

Он вновь перевел глаза на худощавую женщину, сидевшую рядом.

– Вы столько внимания уделяете языкам.

– Еще бы. Этот век – гуманитарный. Образованный человек должен знать не менее четырех языков и на всех общаться свободно. Мы сейчас уделяем серьезное внимание истории. Хорошо знаем все основные религии. Это обеспечило улучшение взаимопонимания между разными народами. А еще прибавилось терпимости. Особенно в тех странах, где раньше ее не хватало... Вам пора ужинать. – Она глянула на работа. – Необходимо подать господину Мореффу ужин.

– Будет сделано.

Развернувшись, робот укатил к двери, скрылся за ней и довольно скоро появился вновь. Опять в ход пошли плошки.

Питер еще не закончил есть, когда распахнувшаяся дверь выпустила мужчину, достаточно полного, невысокого роста, но стремительного. Он двигался напористо, часто перебирая не слишком длинными ногами. Взгляд у него был нахмуренный, пронзительный. Приблизившись, он произнес по-английски:

– Давайте знакомиться. Карло Фацио. Заместитель директора Всемирного бюро расследований.

Он протянул руку, пожатие было энергичным. Опустился на прозрачный стул, который пододвинула доктор Андерсон. Темно-карие глаза смотрели на Питера задумчиво и даже немного трагично. Энергичность движений никак не вя-

залась с наступившей паузой.

– Как вы себя чувствуете? – проговорил гость наконец.

– Нормально. Ходить пока не могу. А так – нормально.

– Ну... ходить вам еще рано. Голова не болит?

– Нет.

– Прекрасно... То, что вы помните момент покушения... это хорошо. – Взгляд стал пристальным. – А дело, которым вы там занимались, не забыли? То, ради чего вы находились в Риге, помните?

– Да. Помню.

– Тогда прошу вас рассказать всё, что вы помните. Вплоть до деталей.

– Пожалуйста. Но разве не осталось никакой информации в архивах?

– В том-то и дело, что никакой информации в архивах нет. И скорее всего, она туда не поступила. Из Риги. Пока что не знаю, по какой причине. В этом тоже предстоит разобраться.

– Вас интересуют события пятидесятилетней давности? – в голосе Питера звучало сомнение.

– Да. – Фацио помолчал с хмурым видом. – Я пока что не хотел бы вдаваться в подробности.

Питер был тактичным человеком. Не хочет, и Бог с ним. Он вернул плошку роботу, уставился на серебристый потолок, решая, с чего начать.

– В две тысячи девятом году была раскрыта международная преступная группа, штаб-квартира которой располага-

лась в Гамбурге. Торговля наркотиками, оружие, проституция, финансовые махинации. Полный набор. Они работали по всей Европе: распространяли героин, снабжали преступников стрелковым оружием, украденным с заводов в Бельгии и Германии, поставляли русских девушек в испанские и португальские бордели, контролировали игорный бизнес в Германии, Голландии и Франции, отмывали деньги, украденные чиновниками в России. Состав был интернациональный, но выходцы из России превалировали. Собственно говоря, по этой причине я и был включен в состав особого подразделения, которое создали тогда на временной основе. Проработав полтора года, мы добились успеха. Удалось арестовать и руководителей, и основных функционеров, и мелких исполнителей. Более сотни человек в разных странах. Из руководителей – Владимира Сайнакова, Михаила Вайнберга, Бориса Тишукова, Иоахима Брюнинга и Эриха Куртиуса.

– С этими фактами я знаком, – угрюмо сообщил Фацио.

– Тогда вам известно, что уже через полгода преступная деятельность была во многом возобновлена. Стало ясно, что существовал еще один центр, хорошо законспирированный, незаметный, который держал всё под контролем, и, когда потребовалось, тут же приступил к восстановлению структур. Нам удалось внедрить своего агента в группировку, занимавшуюся отмыванием наркоденег. Очень скоро мы увидели, что многие ниточки ведут в Ригу. Более того, возникло предположение, что из Риги координируют и работу многих рос-

сийских преступных групп, вовлеченных в наркотрафик, в незаконную торговлю оружием, в поставку девушек в публичные дома. И стало ясно, что представителю нашего особого подразделения необходимо ехать в Ригу, чтобы на месте развернуть работу. Этим представителем был назначен я. Мой приезд состоялся в начале мая две тысячи одиннадцатого. Я поселился в гостинице неподалеку от Национального центрального бюро Интерпола в Латвии. Об истинной цели моего пребывания в Риге знало четыре человека, включая руководство бюро. Для всех остальных сотрудников я был инспектором, приехавшим из Лиона выискивать недостатки в работе. А в гостинице я представился бизнесменом из Англии. Этакий скучный предприниматель средней руки, с утра до позднего вечера занятый делами.

– Вы не замечали слежки? – быстро проговорил Фацио. – Кто-нибудь пытался познакомиться с вами?

– Разумеется, я обращал внимание на тех, кто окружал меня. Никто не пытался познакомиться со мной. Слежки я тоже не замечал. Никаких оснований для беспокойства не было.

– Кто непосредственно работал с вами?

– Двое. Ивар Звиедрис и Линард Калныныш.

– Что можете сказать о них?

– Нормальные ребята. – Неожиданно вспомнив о прошедших пятидесяти годах, Питер не сдержал не-веселой усмешки. – Были тогда нормальными ребятами. Знающими. Разве

что несколько медлительными. Но это – национальная черта. Калныньш, пожалуй, опережал Звиедриса по аналитическим способностям, зато Звиедрис был дотошнее.

– А еще двое, знавшие о вашей работе? Это начальник бюро и его заместитель?

– Совершенно верно. Юрис Ясинкевич и мой тёзка Петер Биркавс.

– Мой друг, простите, что я вас прервал. Продолжайте. Несколько мгновений потребовалось, чтобы вернуть мысль в прежнее русло.

– Нам удалось выйти на явный след. Прежде всего, в поле зрения попала транспортная фирма под названием «Балтике цельс», что в переводе с латышского означает «Балтийский путь». Хозяин, латыш по национальности, похоже, был подставным лицом. Фамилию точно не помню. Кажется, Мелнайс. Самая любопытная личность – его заместитель Андрей Володин. Человек с уголовным прошлым и уголовными повадками. Но он скорее был поставлен присматривать за Мелнайсом. Частые звонки в Москву, партнерам из компании «Международные перевозки». Разговоры деловые, на тему поставок. Но странное дело: в ряде случаев машины из Москвы в указанные сроки не приходили. Объяснение одно – в этих случаях под видом перевозок сообщали другую информацию. Потом мы взялись за переписку по Интернету. Много подозрительного, хотя всё расшифровать мы не смогли. Кроме того, мы вышли на банк «Финанс-Гарантия»

и на охранную фирму «Стражник». Они работали в теснейшем контакте с фирмой «Балтийский путь». Разумеется, не только они. Однако в данном случае их связывали, помимо обычных партнерских, и особые отношения. За всем стоял хозяин банка «Финанс-Гарантия» Леонид Коган. Фигура весьма импозантная, значимая в масштабах Латвии. Он прикормил некоторых высокопоставленных чиновников. Но я весьма скоро пришел к убеждению, что Коган не самостоятелен в той части своей деятельности, которую он тщательно скрывал. Нити шли в Москву. И, по-моему, на очень высокий уровень. Я написал доклад, итогом которого было предложение подключить к работе российское бюро Интерпола. Я понимал, что если преступники сидят высоко, это вряд ли поможет. В этой стране коррупция в высших сферах недоступна для закона... – Он хмуро усмехнулся – опять забыл о пятидесяти годах. Поправился. – Была недоступна. Похоже, это и сгубило Россию... Простите, отвлекся. В тот вечер, когда я закончил отчет и шел в гостиницу, в меня стреляли.

- Так вы успели отправить отчет? – тут же спросил Фацио.
- Нет. Я собирался сделать это утром.
- А те, с кем вы работали... Они знали про отчет?
- Конечно, знали. Я писал его в Бюро, в кабинете. Обсуждал с ними некоторые положения этого документа.
- С Ясинкевичем тоже обсуждали?
- Нет. С ним не обсуждал. И с Биркавсом не обсуждал.

Фацио хмуро молчал, темные глаза были устремлены ку-

да-то вниз. Потом глянул на Питера.

– Мой друг, то, что вы рассказали, очень важно. – Подозрение появилось в его взгляде. – Вы не устали?

– Хотел бы сказать «нет». Но если честно, устал.

– Сейчас я уйду. – Он замолчал с таким видом, словно пытался принять решение. Потом проговорил. – Вы не должны удивляться, что я пришел к вам вечером. В дневное время каждый мой выход из кабинета привлекает внимание. А мне хочется, чтобы как можно меньше людей знало, что я побывал у вас.

После таких слов Питер невольно посмотрел на стройную женщину, стоявшую сбоку от Фацио. Тот правильно понял его взгляд. Довольная ухмылка выплыла на смуглое лицо.

– Доктора Андерсон можете не бояться. Она – один из лучших агентов, которые работают лично со мной. Пока она рядом с вами, я за вас спокоен. Но это строго между нами. До свидания.

Стремительно просеменив к двери, он исчез. Питер с укором глянул на стоявшую перед ним женщину.

– Так вы не психотерапевт?

– Вас не обманули. Я – дипломированный психотерапевт. – Она излучала уверенность. – Закончила Кембридж. Стажировалась в Берлине. Вы можете доверять моим советам... Вам пора отдыхать. Что-нибудь хотите?

– Да, – с легким озорством выговорил он. – Поскорее увидеть мир, который за этими стенами.

– Это не зависит от меня. – Она смотрела на него абсолютно спокойными глазами. – Робот останется рядом с вами. Если что, он поможет. Вы не против?

– Нет.

– Всего доброго. Утром я вернусь.

– До свидания.

Они остались вдвоем – Питер и робот, замерший у изголовья. Глядя в потемневший потолок, Морефф размышлял о том, что с ним случилось. Этот прыжок во времени он понимал, он верил, что его не обманывают. И все-таки ощущение чего-то неестественного не покидало его. Он еще не свыкся с тем, что за окном две тысячи шестьдесят первый год, вторая половина двадцать первого века. Другое время, другие люди. Другая жизнь.

«Господи, – в смятении думал он. – Я попал в мир, которого не знаю, в котором совсем чужой. Я – анахронизм. Что мне здесь делать? Смогу ли я стать своим? И, пожалуй, самый главный вопрос: хочу ли я жить в этом мире?.. Он так разительно отличается от того, который мне знаком. Дело не только в роботах и Всемирном правительстве. В нынешнем мире нет России. Столь важной для меня страны. Какие-то самоуправляемые территории. На Дальнем Востоке – китайцы. Зато в Европе – русский язык. Непонятно, как относиться ко всему этому?.. Какое мне дело до России? Я родился и вырос в Англии. Я – подданный Ее Величества... Но я – русский. Мои родители русские...»

Отец Питера Олег Морев стал невозвращенцем. Он был родом из старой театральной семьи, закончил балетную школу, танцевал в Большом в кордебалете. Ненавидел советскую власть, ибо знал от отца и деда многое, жителям СССР тогда почти не известное, — о том, как пришли к власти большевики, о том, что они творили в Гражданскую войну, о репрессиях, которые начались задолго до тридцать седьмого года. Морев тихо ушел из гостиницы, когда театр был на гастролях в Лондоне. Попросил политического убежища, но воздержался от каких-либо громких заявлений, к которым его склоняли. Он ненавидел ту власть, но любил Россию. Эту любовь Олегу удалось передать сыну.

Мать Питера была младшей дочерью штабс-капитана Белой Армии Петра Зеленина, бежавшего, как и многие, из Крыма, успевшего пожить и в Дании, и во Франции, но потом осевшего в Англии на должности банковского служащего. Во Франции штабс-капитан Зеленин встретил свою будущую жену, дочь князя Бутурлина. Князь к этому времени тоже был в стесненных обстоятельствах, поэтому с радостью отдал дочь за небогатого в прошлом дворянина. Петр Зеленин — в честь деда Питер и получил свое имя, — смог дать своим детям хорошее образование. Мать Питера прекрасно знала историю, литературу, читала на французском, немецком, английском языках.

В семье Питера говорили на русском. Мать уделяла много внимания тому, чтобы он читал русские книги, причем не

только беллетристику, но и историческую литературу – Карамзина, Ключевского, Сергея Соловьева. Любые гастроли из Советского Союза были предметом их благожелательного внимания. Вот почему он прекрасно знал русский язык и говорил, в отличие от многих выходцев из России, без всякого акцента. Как, впрочем, и по-английски.

С дедом Петром он виделся довольно часто. Когда Питер был подростком, они гуляли в Гайд-парке или Грин-парке неподалеку от Букингемского дворца, а позже, когда Питер вырос, ходили в паб выпить пива. Дед любил его. Своего московского деда, Владимира Морева, Питер так и не увидел – тот умер в конце восьмидесятых, незадолго до того, как наступили новые времена, и в Россию стало можно ездить. Питер отправился в Москву вместе с отцом в девяносто втором. Их встречала бабушка, Анна Сергеевна. Она была совсем старенькой. Заплакала, впервые увидев Питера. Москва поразила своей красотой и запущенностью. Питер гулял по старым улицам с таким чувством, словно бывал здесь прежде, словно вернулся сюда после долгого отсутствия. Город, столь не похожий на Лондон, не казался ему чужим.

«Я — русский, хотя вырос в Англии, — размышлял он, по-прежнему глядя в серебристый потолок. — Тот язык, на котором мне привычнее думать, — русский. — И тут странный вопрос явился к нему. — Что такое Россия? Где она? Это земля? Это язык? Это люди? Это история? Что именно? Евреи

не уберегли свое древнее государство, но в течение двух тысячелетий сохраняли свой народ, культуру. И наступил момент, когда Израиль возродился. А вот греки и болгары утеряли свой облик, стали похожи на завоевавших их турков, но сохранили, помимо территории, веру и культуру. Зато албанцы и прежний облик утратили, и веру сменили, превратились в мусульман. Выходит, перестали быть албанцами? Нет Албании? Есть. Это другая Албания, чем могла бы быть. Но кто об этом сожалеет? По крайней мере, не албанцы. Что касается Англии, то бриттов еще Бог знает когда вытеснили во Францию, в тамошнюю Бретань, Англию уже больше тысячи лет населяют англосаксы, правда, вместе с потомками кельтов, пиктов и гэлов, и все они после возникновения Унии в тысяча семьсот седьмом году гордо именуют себя британцами. Ну и что?.. А если сформулировать так: Россия – это страна, где говорят по-русски... Это ничего не даст. Оказалось, что сейчас во многих странах Европы говорят по-русски. Значит, там Россия? Отчасти, да. Но лишь отчасти. Можно сформулировать условие жестче: Россия – страна, где говорят только по-русски. Но в России никогда не говорили только по-русски. Там всегда жила уйма народов со своими языками и традициями... Что такое Россия? Непростой вопрос. Во мне она жива. И еще во многих русских. Но этого мало. Должна быть территория. Пусть даже самоуправляющаяся. Территория...»

Питер не заметил, как заснул.

Через какое-то время его разбудил шум. Он открыл глаза. Робота рядом не увидел. Питер повернул голову. Робот стоял подле входной двери. И больше в палате никого не было.

– Что-нибудь надо? – раздался приглушенный голос робота.

– Нет, – выговорил Питер, опустил голову на подушку и тотчас уснул.

Глава 3

Проснувшись, он увидел доктора Андерсон. Она сидела рядом с кроватью.

– Доброе утро. – Ее лицо было привычно деловитым, излучавшим уверенность. – Как вы спали?

– Прекрасно. – Питер ухмыльнулся. – Мне надо привести себя в порядок.

– Идите. Вы уже освоили этот маршрут.

Робот немедленно подъехал к нему, помог подняться, пройти до туалета. Вернувшись в палату, Питер вспомнил о коротком пробуждении посреди ночи.

– Вы не знаете, что за шум был... даже не знаю, в котором часу?

– Маленькое происшествие, – лишенным всяких эмоций голосом отвечала она. – Неизвестный пытался проникнуть в палату. Но, увидев робота, ретировался.

Питер недоверчиво усмехнулся.

– Его напугала железка?

– Эта «железка» одета в арамид, стрелять в нее бесполезно, а хватка у нее мертвая – не вырвешься. К тому же она делает видеозапись происходящего. Так что этот неизвестный поступил правильно.

– А что такое арамид?

– Материал, из которого делают бронежилеты.

– Кевлар уже не используют?

– Мне такое название не знакомо.

Выходило, что робот – не только заботливая нянька, но и надежный охранник. Питер с довольным видом покосился на творение разума.

– А что показывает видеозапись?

– Человека, заглянувшего в вашу палату и тут же отпрянувшего, как только он увидел робота. Лицо получилось плохо – расстояние большое, и человек все время в движении. Ясно только, что это мужчина. Кроме того, если его проникновение в это здание не обратило на себя внимания, значит, у него есть право на проход. Так что, либо он – сотрудник ВБР, либо работает в госпитале.

Питера это сообщение ничуть не насторожило.

– Какой-нибудь санитар проявил любопытство. Но, увидев робота, испугался.

Она медленно покачала головой из стороны в сторону.

– Уже провели анализ дверной ручки с целью определить ДНК человека, открывавшего дверь. Результат отрицательный. Следы отсутствуют. Скорее всего, он был в перчатках. Санитары по зданию в перчатках не ходят. И потом, сейчас эту работу, как и работу уборщиков, выполняют роботы.

Получалось, что все серьезнее, чем ему думалось. Он через силу усмехнулся.

– Моей жизни угрожает опасность?

– Думаю, да. – Ее лицо хранило серьезность. – Но мы из-

начально учитывали данный фактор.

«Учитывали данный фактор? – выхватил слова его мозг. – Что это означает? Что мой возврат к жизни через полвека – некий проект? Я – подопытный кролик? Или приманка? Очень интересно...»

Питер думал о том, как половчее сформулировать вопрос, но тут дверь открылась, в палату вошли Давид Кацав и Мо-хамед Ашруни. Приветливо поздоровались, Кацав приблизился к Питеру, а его ассистент начал разворачивать свой прибор.

Пижама была снята. Питер в некотором смущении поко-сил на доктора Андерсон – та не стала даже отходить, про-сто отвернулась и смотрела в сторону.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался Кацав.

– Неплохо. – Питер не выдержал, похвалился. – Я уже хо-дил. В туалет. Вчера. И сегодня.

– На самом деле? – Доктор не поверил, вопрошающе гля-нул на Линду.

– Ходил, – сдержанно подтвердила она.

– Если позволите, я тоже готов засвидетельствовать: ми-стер Морефф ходил. – скромно прозвучал голос робота. – Мистер Морефф настойчивый.

– Вы у нас молодец. – Доктор опять смотрел на Питера. – Хотя, может быть, не стоило спешить. С другой стороны, по-хвально, что вы можете заставить себя. Но это не отменяет наших процедур.

Облегающие накладки вновь были надеты на его ноги выше и ниже колен, то же самое произошло с руками. Ему вновь довелось ощутить покалывание.

– Все нормально? – поинтересовался доктор Кацав.

– Да, – ответил Питер.

– Повышаю интенсивность.

В очередной раз Питера мучила щекотка в мышцах. Он терпел, стиснув зубы. «Обычное испытание щекоткой, – успокаивал он себя. – Это лучше, чем испытание болью». Все равно приходилось перебарывать себя, чтобы вытерпеть.

На этот раз процедура продолжалась еще дольше, чем прежде.

– Как вы себя чувствуете? – доброжелательно спросил доктор Кацав, едва накладки были сняты.

– В данный момент прекрасно.

– А до этого? – тень тревоги мелькнула в карих глазах доктора.

– До этого – не очень. – И добавил после паузы. – Слишком щекотно.

– А-а, – понимающе протянул доктор.

После ухода Кацава и Ашруни Питер завтракал. Робот вновь кормил его специальной пищей в плошках, чересчур пресной. Питер не собирался роптать – докторам виднее, что для него сейчас лучше.

Завтрак был закончен. Питер устроился поудобнее, посмотрел на доктора Андерсон хитрым взглядом.

– Что за проект осуществляется, в котором участвуете вы?
И я.

Она задумалась. Продолговатое лицо хранило невозмутимость.

– Дело не в проекте, – наконец проговорила она. – Есть проблема, которую может помочь решить ваше возвращение. Вот и все.

– Но при всем том я не имею права знать об этой проблеме? – тут же спросил Питер.

– Все упирается в секретность.

– Судя по всему, я играю важную роль в решении этой проблемы. И при этом я не должен знать, в чем она состоит? Не говоря уже о моей безопасности...

– Мы позаботились о вашей безопасности.

– Сообщив на весь мир?

Вновь последовала молчаливая пауза.

– После ночного происшествия число барьеров охраны увеличено.

– Это успокаивает, – насмешливо произнес он. – И все-таки, может быть, мне стоит знать правду?

Она сохраняла серьезность.

– Я поговорю с мистером Фацио. Только он в состоянии решить данный вопрос.

Питер готов был подождать. Но исключительно в том, что касалось некой тайны. В остальном его любопытство рвалось наружу.

– Знаете, в начале века высказывалась идея создания Всемирного правительства. Особенно после начала кризиса в две тысячи восьмом. Но об этом говорили ученые. Я не помню, чтобы политики поддерживали эту тему. А теперь такое правительство уже есть. Любопытно. Значит, все вопросы решаются в масштабах планеты?

– Да.

– Это похвально. В конце концов, Земля не так уж и велика. Правда, пятьдесят лет назад столь несложная истина принималась немногими. Хотя к тому моменту процесс глобализации уже всю проявил себя... Если есть Всемирное правительство, должен быть и Всемирный парламент.

Она медленно покачала головой из стороны в сторону – так она поступала частенько.

– Всемирного парламента нет.

– Почему?! – искренне удивился Питер.

– Всемирный парламент не нужен. Благодаря новым технологиям парламент – все население Земного шара. Это уже не представительная, а прямая демократия. В любой момент, если есть необходимость, граждане планеты высказываются в пользу того или иного решения. Причем, всё в высшей степени демократично. Перед голосованием выступают защитники позиций: «за» и «против». Эту роль выполняют эксперты, прежде всего, ученые, специалисты. Потом голосование определяет волю большинства. Так что парламент не нужен. Всемирное правительство призвано осуществлять волю на-

селения. Кроме того, есть референдумы по вопросам, решаемым в рамках самоуправляемых территорий, и референдумы на уровне округов, то есть *counties*¹. Соответственно, есть правительства самоуправляемых территорий и округов... – Она с некоторым оживлением глянула на Питера. – Между прочим, в любой момент и вы можете стать защитником позиции «за». Вам следует быть готовым сказать что-либо существенное в пользу того или иного предложения. Либо отстаивать позицию «против».

Подобная перспектива его не пугала.

– Выступлю. Но прежде мне следует адаптироваться к новой жизни. Иначе я рискую наговорить глупостей. Так что продолжу мучить вас вопросами.

– Я к этому готова.

Питер выдержал некоторую паузу. Это же надо! Прямая демократия в масштабах земного шара. С этим следовало разобраться, но прежде всего – выяснить судьбу России.

– Меня очень волнуют самоуправляемые территории. В первую очередь те, которые возникли на территории России.

– Попробую решить эту проблему. – Она перевела взгляд на робота. – Включи нам экран: Интернет, карта Восточной Европы.

В тот же миг большая часть стены перед Питером засветилась, возникла красочная карта. Он увидел знакомые очертания границ. Центральная часть России сохранила север-

¹ Округ (*англ.* county) – административно-территориальная единица в США.

ные и западные границы. На северо-западе она граничила с единой территорией, называемой Скандинавия, вобравшей в себя Финляндию, Швецию и Норвегию. Там, где прежде располагались Эстония, Латвия, Литва и Калининградская область, лежала теперь территория Балтия. Дальше располагалась Польша. Белоруссия входила теперь в состав России, граница которой на юге соприкасалась не только с Украиной, но и с Северным Кавказом, вобравшим в себя Краснодарский край, Ставрополье и все национальные республики, входившие прежде в Россию. А вот на востоке граница нынешней России определялась некоторым образованием, названным Урал, и лишь за Уралом начиналась Сибирь.

«Собственно Россия, – размышлял Питер, – Северный Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Прежняя страна распалась на пять частей. При этом Дальний Восток теперь под китайцами. Такая вот картина».

– Вчера вы мне ничего не сказали про самоуправляемые территории Северный Кавказ и Урал. Надеюсь, там по-прежнему основной язык – русский?

– Да. Местный язык там – русский. – Смущение проявилось на ее лице. – Я говорила вчера в общих чертах. Простите, я не знала, что подобные детали имеют для вас такое значение.

«Ничего себе, детали...» – подумал Питер, но вслух ничего не сказал. Он вновь смотрел на карту. Столица нынешней России – Москва. Столица Урала – Екатеринбург, Сибири –

Красноярск, Северного Кавказа – Краснодар, Балтии – Рига.

– Надеюсь, на Северном Кавказе война закончилась? – мрачно осведомился он.

– Да. После того, как туда были введены международные силы.

– К этому все шло... А какой местный язык в Балтии?

– Русский.

– Надо же. Кто бы мог подумать... – Питер глянул на доктора Андерсон с одобрением. – Вчера вы поскромничали, сказав, что немного знаете русский. Вы хорошо говорите на этом языке.

– Спасибо.

– Откуда вы знаете русский?

Она помолчала, опустив глаза, опять глянула на Питера.

– Мой муж был русский.

– Вы разошлись?

– Нет. Он погиб, – сухо выговорила она. – Шесть лет назад. Он тоже работал во Всемирном бюро расследований. Его звали Игорь.

Питер ощутил неловкость.

– Простите мне мое любопытство.

– Ничего...

Он сосредоточенно глядел на карту. Чересчур много информации свалилось на него. Как все это воспринять?... Надо было осмыслить услышанное. Переварить. Разложить по полочкам.

– Линда, я могу побыть один? – сдержанно спросил он.

– Да, конечно.

– Вы можете вернуться к вашим делам на час или даже два.

Она помолчала в своей размеренной манере, потом проговорила:

– Хорошо. Я буду здесь через два часа. Если я вам понадобится раньше, скажите роботу, он свяжется со мной.

Оставив стул, она пошла к двери своей красивой походкой. Еще мгновение, и Питер остался наедине с роботом.

Вновь глядя на карту, он размышлял над тем, как относиться к тому, что он видел. Прежней страны, столь дорогой ему, больше нет. Но остались территории, на которых сохранился русский язык. Более того, русский язык продвинулся на запад. Разве это не важнее целостности территории? Потеряв целостность, Россия заняла большую площадь, чем прежде. В плане влияния на умы.

«Какую роль может играть целостность в условиях, когда действует Всемирное правительство, когда жители Земли совместно решают все глобальные проблемы?» – такой вопрос явился ему. И тотчас у него возникло желание посмотреть, а что там в Америке?

– Прошу дать карту Северной Америки, – попросил Питер.

На стене появилась другая карта. Питер заскользил по ней взглядом... Самоуправляемая территория Аляска, Восточ-

ная и Западная Канада, Соединенные штаты Америки.

«Прекрасно! – сердито прокомментировал про себя Питер. – Россию разделили на пять частей, а Соединенные штаты практически не разделились. Подумаешь, самостоятельная Аляска. Вот что значит быть слабым. Россия была слабой. А все чиновники – тупыми, алчными. Раскрали страну, истощили экономику. Население не выдержало нищеты, произвола, безысходности...»

Он регулярно читал сводки по России, которые готовились в штаб-квартире Интерпола в Лионе, изучал данные разных исследований. Ему хорошо была известна картина происходившего тогда, пятьдесят лет назад.

«Русские сами виноваты, – сумрачно думал он. – В России никогда не уважали закон. Ни при царях, ни при генеральных секретарях, ни после развала Советского Союза. А уважение к личности? А умение нести ответственность за самого себя? А понимание ценности человеческой жизни? В этом России всегда было далеко до Западной Европы. И я не знаю, как бы я жил в России...»

– У вас неприятности? – неожиданно прозвучал голос робота.

– Да, – сухо ответил Питер.

– Мне вызвать доктора Андерсон?

– В этом нет необходимости. То, что расстроило меня, произошло пятьдесят лет назад.

– Я вам сочувствую.

– Спасибо.

Робот подъехал ближе к нему.

– Вы не хотите пообедать? Уже время.

– Я согласен. Только сначала надо прогуляться.

Он сел на кровати, опустил ноги на пол, не без труда поднялся. Робот подставил ему руку. Направляясь к туалету, Питер с удовлетворением отметил, что ему гораздо проще идти, чем вчера. Если такая тенденция сохранится, через неделю он сможет бегать.

Покинув туалет, Питер не стал спешить с возвращением в кровать. Его заинтересовала соседняя дверь.

– Что здесь? – спросил он.

– Ванная, – предупредительно ответил робот.

Питер сделал несколько шагов, дверь открылась.

Перед ним было просторное помещение, вмещавшее большую ванную из серебристого металла, в углу стояла душевая кабина. Питер вошел внутрь, приблизился к раковине, выше которой располагалось зеркало. Ему не понравилось то, что он увидел – изможденное небритое лицо.

– Я хочу побриться, – проговорил он.

– Пожалуйста.

Робот нажал кнопку на стене, открылась дверца встроенной полки. Питер увидел все необходимое для бритья – бритвенный станок, пена, помазок. Сверху лежала электрическая бритва необычной, весьма элегантной формы.

– Вас побрить? – спросил робот.

– Я сам.

Он решил отдать предпочтение традиционному способу. С каким удовольствием он намылил себе щеки, взял в руку бритвенный станок. Чистая кожа оставалась там, где проходило лезвие. Он так увлекся, что не заметил, как ослабли ноги – они устали держать тело.

– Мне надо присесть, – пробормотал Питер.

Тотчас ему был подставлен стул. Питер опустился на него, отдохнул. Потом заставил себя подняться, закончил бритье. Еще раз осмотрел собственное лицо. Бритым он выглядел лучше. Хотя изможденный вид сохранился.

Вернувшись в кровать, он принялся обедать. Поглощая пореобразную пищу из неизменных плошек, он подумал, что не отказался бы от куска жареного мяса. Он любил постную свинину. Впрочем, не отказался бы и от стейка из говядины. И запил бы кружечкой пива. Желательно, темного. Он любил «Гиннесс».

Отобедав, Питер продолжил знакомство с современной географией. По его просьбе на стене появилась карта Европы. На месте Великобритании и Ирландии располагалась одна самоуправляемая территория под названием «Британия и Ирландия». Остались Германия, Франция, Испания с Португалией, Италия. На месте Бельгии, Нидерландов и Люксембурга появилась территория Бенилюкс. Дания вошла в Скандинавию, а Чехия, Словакия, Австрия, Швейцария, Венгрия образовали Центральную Европу. Вновь появилась Югосла-

вия. Сохранилась Греция. В состав Румынии вошла Молдавия.

«То, что англичане примирились с ирландцами – прекрасно, – добродушно заключил Питер. – Должен признать, что современное устройство Западной Европы удовлетворяет меня. Остальное придется принимать таким, каково оно есть...»

– А что там за колония на Луне? – спросил он, покосившись на робота.

– Она образована двадцать пять лет назад. Главное предназначение – научные исследования и добыча полезных ископаемых. Там живет сейчас около двенадцати тысяч человек. Ученые, инженеры, горняки. – На экране возникло изображение лунной поверхности. На переднем плане металлически отблёскивало темное здание, напоминавшее средневековый замок. – Это обсерватория, кроме того, в этом сооружении расположены основные шлюзы и гараж луноходов. Лаборатории, служебные и жилые помещения находятся под лунной поверхностью. Так устраняется метеоритная опасность. – Слова робота проиллюстрировало изображение на стене: просторные помещения лабораторий, заполненные оборудованием и людьми в халатах; столовая с множеством столов, за которыми обедали люди; тренажерный зал, гостиные и спальни в квартирах. – Кроме того, неподалеку от колонии находятся рудники. Рабочие ежедневно отправляются туда на пассажирских луноходах. Реголит до-

ставляют грузовыми луноходами на склад. Оттуда его берут на переработку. – Питер имел возможность увидеть и горняков, одетых в скафандры, и луноходы, вздымающие колесами облака лунной пыли, и работу в руднике.

– Что такое реголит? – полюбопытствовал он.

– Так называют аморфный лунный грунт.

– И какие полезные ископаемые содержатся в нем?

– Прежде всего, гелий-три, необходимый для термоядерной энергетики. За счет лунного гелия-три она и работает. А кроме того, руды, содержащие обычные и редкие металлы.

– На Землю возьмат оттуда руду?! – усомнился Питер.

– Не возьмат. Ее перерабатывают на месте. – Питер увидел, как идет плавка в печах, как работает какое-то производство, и почему-то в емкости оказывается прозрачная жидкость. – Получают железо, алюминий, титан. И еще воду. Все это остается на Луне для нужд колонии. А гелий-три возмат на Землю. – Теперь Петр увидел старт ракеты.

– И это окупает себя?

– Полагаю, что окупает.

«Глупые вопросы задаешь, – укорил себя Питер. – Если возмат, значит...»

Входная дверь открылась. Робот совершил резкое движение, закрыв Питера от вошедшего, но тут же вернулся на прежнее место. Питер увидел доктора Андерсон. Ее лицо отразило удивление.

– Вы побрились?

– Да, побрился. – Им владело некоторое смущение.

Оценивающий взгляд прошелся по нему.

– Вам идет. В остальном все нормально?

– Нормально. Я узнал много интересного о нынешнем мире. Благодаря моему помощнику. – Питер кивнул в сторону робота.

– Это хорошо. Вы обедали?

Питер состроил укоряющую ухмылку.

– Госпожа Андерсон, я не маленький ребенок.

– Вы обедали? – упрямо повторила она.

– Простите, но какое это имеет значение?

– Мистер Морефф обедал, – раздался бесстрастный голос робота.

Она села на стул, по-прежнему стоявший подле кровати, хладнокровно проговорила:

– Мне поручено отвечать за вас, и я буду отвечать за вас. – В ее голосе не чувствовалось вызова.

«Эта женщина умеет добиваться своего», – не без одобрения отметил Питер.

Следовало сменить тему. Он сказал первое, что пришло на ум:

– Я правильно понял, что энергетика сейчас термоядерная?

– Да, это так.

– И как давно мир перешел на нее?

– Около тридцати лет назад.

Питер задумчиво улыбнулся.

– Прежде, насколько мне известно, с этим как-то не получалось.

– После того, как в две тысячи одиннадцатом году произошла катастрофа на атомной станции в Японии, были вложены серьезные средства в исследования. Это дало результат.

– Да, это я помню. Станция называлась Фукусима. Фактически это был еще один Чернобыль, – уточнил Питер.

Сомнение приоткрылось на ее лице.

– Я не знаю, что такое «Чернобыль».

– Был такой город в Советском Союзе, в котором произошел взрыв на атомной станции. Где-то в восьмидесятых годах прошлого века.

Она понимающе кивнула. Питер замолчал, думая, о чем бы еще у нее спросить, и вдруг у него возникло желание выяснить, что такое нынешнее телевидение.

– Я бы хотел посмотреть телевизор, – проговорил он.

– Вы имеете в виду мультивизор?

– Да.

– Что именно?

– Нынешнее телевидение. – Он видел, что она не поняла его. – Наиболее популярные телеканалы. – И вновь непонимание.

– Какие сайты вас интересуют? – попыталась выяснить она.

– Не сайты, – сдержанно поправил он. – Каналы, которые

показывают новости и фильмы.

Линда беззаботно пожала плечами.

– Каналов несколько, но они для официальной информации – Всемирного правительства, территориальных и местных властей. А в остальном – сайты. Есть новостные, есть те, на которых можно посмотреть фильмы, а есть те, что специализируются на шоу. Это разные сайты.

– Я хотел бы узнать, какие фильмы сейчас смотрят.

– Пожалуйста. – Она глянула на робота. – Включи.

– Какой сайт? – осведомился роботу Питера.

– Любой. Их много?

– Десятки тысяч. Что именно вас интересует?

– Наиболее популярные сейчас фильмы. Какой-нибудь из самых популярных.

– Вы будете смотреть полностью?

– Нет.

– Я включу вам демонстрационный вариант.

Экран ожил, по нему забегали крепкие мужчины, преследуя друг друга, непрерывно стреляя, вступая в рукопашный бой. Минуты хватило, чтобы понять – это заурядный боевик, с обычной стрельбой и драками. Изменился антураж – здания, машины, одежды, пистолеты, – а кроме того появилось ощущение объема изображения, причем без всяких специальных очков, но все остальное осталось прежним.

– Еще какой-нибудь фильм, – попросил он, тут же напомнив. – Из популярных.

...Отличие в антураже было несущественным. Как и в действующих лицах. Разве что добавилась крепкая женщина спортивного вида, лихо сражавшаяся с мужчинами. Короче, еще один боевик. Тот же результат дало знакомство с десятком других фрагментов фильмов. Разве что иногда действие происходило в прошлом или отдаленном будущем, и сражение шло с инопланетянами либо со злобными жителями параллельных миров.

– Это всё продукция Голливуда? – насмешливо поинтересовался Питер, глядя на Линду.

Она кивнула.

– Голливуда. Там главный киноцентр.

Питер помолчал, оценивая увиденное.

– Но это – примитивная продукция. Я не думал, что людей будущего потчуют таким... дерьмом. – Он сдержанно усмехнулся. – Знаете это слово?

Сколь внимательными, строгими стали ее глаза.

– Я знаю это слово. Но вы не правы. Никто их не потчует дерьмом. Люди хотят развлекаться. Каждый из них вынужден зарабатывать хлеб свой в поте лица. И каждый имеет право отдохнуть в свободное время. Люди не хотят напрягаться. Им надо расслабиться. Вот и всё.

Питер покачал головой. Нет. Он не желал принять такое объяснение.

– Наша европейская цивилизация давно стала развлекательной, потому что еще в конце двадцатого века, поми-

мо работы, которая представляет собой суровую необходимость, все остальное время большинством людей тратилось на развлечения. Жизнь как сплошное развлечение – идеал и цель многих. – Он чувствовал: нужны еще какие-то доводы. – Между прочим, в Англии, по крайней мере, в мои времена, по телевизору в так называемый прайм-тайм, в районе восьми-девяти вечера, основные каналы показывали интересные просветительские фильмы – про животных или по астрономии, географии, археологии... Хозяева каналов делали это вовсе не из благих намерений – предприниматели всегда остаются предпринимателями. Они делали это потому, что британское правительство оплачивало им показ просветительских фильмов именно в самое популярное время. Для того, чтобы не разжигать в подростках и молодежи низменные инстинкты бесконечными сценами убийств и мордобоя, которыми переполнены боевики. Чтобы у них хоть что-то было в головах. Очень разумное решение. За одно это я уважал наше правительство. Надеюсь, на территории Британии и Ирландия до сих пор действует этот подход?

– Сейчас такое невозможно, – сдержанно заметила госпожа Андерсон. – Правительство не должно решать за людей подобные вопросы. Это касается любого уровня власти: всемирного, территориального, местного. Люди сами решают то, что касается их жизни.

– А если они плохо решают? – насмешливо спросил Питер.

– Это их решение. – Ни тени сомнения не отражалось на ее лице.

– История дает массу примеров тому, что народ может ошибаться. Вспомните хотя бы Германию тридцать третьего года. – Спohватившись, что она его не поняла, Питер добавил. – Я имею в виду прошлый век, приход к власти Гитлера. Или, скажем, Россию начала двадцать первого века, где народ выбрал Путина. Кроме того, народом можно манипулировать. К сожалению, этому есть тоже немало примеров... – Он вспомнил о прошедших пяти десятилетиях. – Точнее, было немало примеров.

Линда нахмурилась.

– В наше время не принято пренебрежительно отзываться о воле народа.

– Я говорю о прошлом, – с тихой иронией продолжал он. – О том, что было давно. Впрочем, подозреваю, что до сих пор не удалось решить главную проблему, на которую указывали мыслители еще в конце двадцатого века. Речь о нараставшем тогда разрыве между технологическим и духовным развитием человечества. Конечно, я этим не занимался. Но понимал, сколь это серьезно.

Впервые он увидел доктора Андерсон в затруднении. Наконец она проговорила:

– Я понимаю, что вас волнует... В принципе, концепция разумной достаточности есть во многом решение проблемы разрыва.

– Если это решение... – Открывшаяся дверь пропустила в палату Кацава и Ашруни. Питер поспешил закончить фразу, – ...то лишь частичное.

Кацав и Ашруни бодрым шагом приблизились к нему.

– Без бороды вы кажетесь еще моложе, – весело проговорил Кацав.

Его слова несколько смутили Питера.

– Я не преследовал такой цели.

– Какая разница? Выглядите, и всё.

Неизменный прибор был развернут, накладки охватили руки и ноги. Нестрашная пытка щекоткой началась. Питер перенес ее, не выказывая никаких эмоций.

– Было щекотно? – поинтересовался Кацав, едва процедура кончилась.

– Было.

– И вы не жалуетесь?

– Нет. Я и раньше не жаловался. Я сообщал вам информацию.

Доктор помолчал, видимо, размышляя над его словами, потом задумчиво произнес:

– Мы сегодня дали максимальную интенсивность.

– Прекрасно. А я удивлялся: почему сегодня тяжелее терпеть, чем вчера?

– Потихоньку вам надо начинать двигаться.

– Я уже начал. Вы знаете, что я понемногу ходил вчера и сегодня. Правда, с помощью робота. Слушайте, а давайте я

сейчас, на ваших глазах, без посторонней помощи схожу в туалет. Мне туда хочется.

– Как вам будет угодно, – позволил Кацав.

Питер сел на кровати, опустил на пол ноги, с усилием поднялся, сделал шаг, покачнулся, пытаюсь сохранить равновесие. Тотчас рядом оказался робот, протянул свою механическую руку. Питер не стал на нее опираться, бросил ему: «Не надо». Сделал еще шаг, еще. Он смог одолеть расстояние до туалета без посторонней помощи. Спустя минуту вернулся. Вид у него был торжествующий.

– Прекрасно, что вы стараетесь преодолеть себя, – похвалил его доктор Кацав. – Теперь отдохните. Нагрузка должна перемежаться с покоем. Все нормально. До завтра.

Он хотел повернуться, чтобы идти к выходу, но Питер опередил его.

– Подождите, доктор. Как вы можете говорить, что все нормально, если вы даже не знаете, как я себя чувствую. Вы не проверяли у меня состояние внутренних органов, не мерили давление, пульс, температуру.

Кацав сдержанно улыбнулся.

– Напрасно вы так думаете. Мы следим за всеми параметрами. Они, к счастью, в норме. Центральный компьютер снимает ваши показания ежеминутно – и когда вы спите, и когда бодрствуете. Чип, который вы получили, помимо прочего дает медицинские данные: температуру тела, частоту пульса, кровяное давление и еще множество параметров.

– Простите, доктор, я этого не знал.

– Теперь будете знать, – вполне дружелюбно произнес Кацав. – До свидания.

Он повернулся и направился к двери. Ашруни последовал за ним.

Проследив за уходом докторов, Питер примирительно посмотрел на доктора Андерсон.

– Продолжим наш разговор. Как же быть тем, кто предпочитает интеллектуальное кино? Я, к примеру, люблю фильмы Питера Гринуэя. Вы знаете такого режиссера?

Вопрос ее ничуть не смутил.

– Я не знаю такого режиссера. Однако думаю, что проблем у вас не будет. Архивное кино можно посмотреть на сайтах для интеллектуалов. Но это стоит недешево.

– Почему?

– Немногие сейчас проявляют интерес к такому кино и обращаются на подобные сайты. Чтобы окупить расходы, владельцы вынуждены поднимать цену. В то же время посмотреть популярный фильм на обычных сайтах – очень дешево, поскольку много обращений и доходы от рекламы больше.

Питер метнул на нее пристальный взгляд.

– Разве это не подталкивает людей к так называемой массовой культуре?

– По-моему, главное в том, что существует возможность выбора. Но каждый делает его сам. – В ее лице появилась настороженность. – У меня такое ощущение, что сегодня

вам непременно хочется поспорить со мной. Причем... в несколько обостренной форме.

Ее слова озадачили Питера. Он всего лишь отстаивал свою точку зрения, однако и в самом деле можно было подумать, будто ему хочется «в обостренной форме» спорить с Линдой. Этакое глупое мальчишество. За кого она его принимает? Он уже давно излечился от подобной чепухи.

И о чем с ней разговаривать? Доктор Андерсон опередила его.

– Может быть, вы ощущаете страх перед тем миром, который за этими стенами и в котором вам предстоит жить?

– Я не ощущаю страха перед нынешним миром, – немедленно ответил он. – Я взрослый мужчина, давно сформировавшийся. Я многого добился. Мне бояться нечего. Конечно, я пока не знаю этот мир. Но узнаю.

– Прекрасно, – констатировала она. – По-моему, вам пора ужинать.

Питер хотел сказать: «Если вы считаете, что пора, я постараюсь почувствовать голод», – однако вовремя сдержался. Опять она воспримет его слова как вызов. Он предпочел построить нечто неопределенное на лице.

Удалившийся на время робот привез неизменные плошки. Получив одну из них и ложку в придачу, Питер лукавым взглядом глянул на механическое существо.

– А для доктора Андерсон у вас не найдется еды?

– Не надо, – запротестовала она. – Я дома поужинаю.

– Вы туда попадете так нескоро.

– В больнице есть столовая. Схожу туда.

– Мне было бы приятно, если бы вы отужинали со мной. –

Он вновь посмотрел на робота. – Найдется что-нибудь для доктора Андерсон?

– Думаю, я смогу кое-что предложить доктору Андерсон, – уверенно произнес робот.

– Не надо, – уже спокойнее повторила она.

– Я привезу, а вы решите, как быть, – рассудительно заметил робот.

Он уехал, скрылся за дверью. Питер с веселой физиономией покосился на доктора Андерсон.

– Пока его нет, я беззащитен.

– Если понадобится, я смогу защитить вас, – абсолютно серьезно проговорила она.

– Но ведь вы не закованы в арамид, в отличие от робота.

Она посмотрела на него так, будто он сказал какую-то чепуху.

– Вам не стоит за меня беспокоиться.

Робот вернулся. На подносе были тарелки с ветчиной и с нарезанным кубиками сыром, чашка кофе, распространявшего приятный запах. Обреченно вздохнув, Линда пристроила поднос у себя на коленях, принялась есть. Питер старался не смотреть на нее. А тем более на ветчину, от которой сам тоже не отказался бы. С деланной сосредоточенностью он поглощал принесенную ему пищу, пил апельсиновый сок.

И тут ему пришла идея – надо поговорить о погоде. Нейтральная тема. И столь традиционная для Англии.

– Скажите, какая сейчас температура на улице? – спросил он.

– Градусов двадцать пять.

– Дождя, кажется, не было.

– Дождя не было.

– Хорошая погода.

– Для июня – нормальная.

Разговор получался учтивый, без надрыва. Следовало развить тему.

– Знаете, в начале века в Европе несколько раз такая жара стояла, что от перегрева и духоты умирали тысячи людей. Прежде всего, пожилые люди. И здесь, во Франции, и в Испании, Португалии. Даже в Германии. Сначала жара, а потом ливни, которые всё затопляли. Ужасные ливни. Они приводили к наводнениям. Гибли люди, скот, разрушались здания. А как сейчас?

– Сейчас такого нет, – с привычным спокойствием проговорила она.

– Уже научились управлять климатом?

– Да. Экстремальных ситуаций не допускают.

– Прекрасно. Я рад за Европу. Сейчас время отпусков. Люди по-прежнему стремятся отдохнуть на море?

– Да, конечно.

– Раньше англичане любили отдыхать в Испании, на ат-

лантическом и на средиземноморском побережье. Я бывал там несколько раз. Прекрасно. Вы отдыхали в Испании?

– Отдыхала. Там по-прежнему хорошо. Но сейчас на Земле появилось очень много мест, где можно качественно и недорого отдохнуть. В самых разных частях...

Дверь распахнулась. В своей стремительной манере появился Фацио. Белый халат, брошенный поверх костюма, развевался.

С легкостью одолев расстояние до кровати, он резко остановился:

– Вы хотели со мной поговорить?

– Да. Вы садитесь. – Питер дождался, когда Фацио займет свободный стул, после этого продолжил. – Насколько я догадываюсь, вы осуществляете некий проект, в котором мне отведена роль подсадной утки. Но если я – подсадная утка, мне хотелось бы знать об этом. Все-таки, я не тюфяк, набитый ватой, а человек, умеющий думать и анализировать. Я могу быть вам полезен не только как статист. И потом... – Питер сумрачно ухмыльнулся. – И потом, если мне угрожает опасность, я хотел бы знать, кто ее олицетворяет. Кого мне следует остерегаться.

Фацио выразительно помолчал, сжав свои полные губы. При этом он смотрел куда-то в сторону. Потом глянул на Питера своими абсолютно черными глазами.

– Мой друг, вы правы. Вам следует знать, в чем дело. Тем более, что это касается людей, работавших с вами. Ивар Зви-

едрис исчез незадолго до покушения на вас. Найти его не удалось. Никаких следов. Линард Калныныш остался. Тогда возникло предположение, что Звиедрис был причастен к покушению. Возможно, организовал его. Или, по крайней мере, участвовал в подготовке. Прошло пятьдесят лет. Линард Калныныш дослужился до высоких постов. Сейчас он – один из кандидатов на должность заместителя директора ВБР. Но я не могу пока что исключить такого варианта, что Ивар Звиедрис ни в чем не виноват, что его убили с целью запутать следствие, пустить по ложному пути, а тело очень хорошо спрятали. Но в этом случае человек, причастный к покушению на вас, а значит, связанный с преступными кругами, – Линард Калныныш. Я не могу допустить, чтобы такой человек занял должность заместителя директора. Ему в этом случае вообще место в тюрьме. Так что задача – установить истину: причастен Калныныш к покушению на вас или нет?

Питер был озадачен.

– Ваша идея, мистер Фацио, изящна, – тихо проговорил он. – Если Калныныш тогда пытался убить меня, то попытается опять. Я одного не пойму. Калнынышу сейчас под восемьдесят. О каком назначении на должность заместителя может идти речь?

– Ему сейчас семьдесят пять. На пенсию выходят в восемьдесят.

Вот как? Значит он, Питер, уже пенсионного возраста. Если учитывать эти пятьдесят лет. Но ведь он их не прожил.

Они прошли мимо... А что Калныныш? Кто-то за ним стоит?

– Его кто-то продвигает? – сдержанно спросил он.

– Да, продвигает. Сам директор ВБР Джон Берджес.

– Он – американец?

– Американец. Согласно традиции, директор ВБР назначается Всемирным правительством по представлению самоуправляющейся территории США.

– И тут засилье США? – вырвалось у Питера.

– Мы не осуждаем сложившиеся традиции, – сухо произнесла доктор Андерсон.

Неловкая пауза повисла в палате. Прервал ее Фацио.

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо.

В подтверждение своих слов Питер сел на кровати, спустил ноги на пол, встал, прошелся перед кроватью взад-вперед. Получилось не так изящно, как ему хотелось бы, но он справился без посторонней помощи. Фацио внимательно следил за ним.

– Впечатляет, – значительно произнес он. – После пятидесяти лет... Восстанавливайтесь, мой друг, приходите в норму. Привыкайте к нынешней жизни. Доктор Андерсон поможет вам в этом. Выйдете из больницы, я оформлю вас консультантом. Если вы не будете против. Как обеспечить вашу безопасность, поговорим позже. До свидания.

Он поднялся, за несколько мгновений достиг двери, исчез за ней. Питер глянул на Линду.

– Доктор Андерсон, у каждого заместителя директора есть свои сотрудники?

– Есть. Но не столько, как у мистера Фацио. Он – заместитель по кадрам. И по совместительству – руководитель департамента кадров и входящей в него Службы внутренней безопасности.

– Так вы сотрудник этой Службы?

– Да.

Питер смотрел на ее лицо – оно выглядело усталым.

– Знаете что, поезжайте домой. А я лягу спать. Поезжайте.

Она поднялась, неспешно произнесла:

– Хорошо, поеду. Но перед тем, как уйти, хочу напомнить, что вы можете обращаться ко мне по имени. До завтра. – И плавным шагом направилась к двери.

Проводив ее взглядом, Питер устроился поудобнее, уставился в потолок. Он думал о людях, которые могли быть причастны к покушению на него. Ивар Звиедрис и Линард Калныныш. Кто из них? Питер вспоминал их лица, Звиедрис был худощавым, повыше Питера. Калныныш – поплотнее, медлительнее. Кто из них? Питер не знал. Он не чувствовал недоверия ни к одному из них. Единственное, что он мог сказать, так это то, что Фацио прав: исчезновение Звиедриса незадолго до покушения на Питера ничего не доказывает.

– Вам что-нибудь надо? – раздался голос робота.

– Я хочу увидеть Лондон, – сказал Питер.

И тотчас на стене появилось изображение: набережная

Темзы, освещенная вечерними огнями, Вестминстер, погруженный с полутьму, залитая светом улица Уайтхолл, Трафальгарская площадь, заполненная людьми, не менее людная Пиккадилли, Оксфорд-стрит с ее бесконечными магазинами. Он видел знакомые места. Сияли витрины, светились окна домов. По тротуарам неторопливо шли люди, заходили в магазины и выходили из них, сидели за столиками на летних верандах ресторанов.

– Это старая хроника? – спросил он.

– Прямая трансляция, – с готовностью ответил робот.

Радостно было видеть, что родной город сохранил свои старые районы в неизменном виде, что там кипит жизнь. Так похожая на прежнюю, знакомую Питеру.

– Можно показать Gower street²?

– Пожалуйста.

На экране появилась улица, на которой прошло его детство, на которой стоял родительский дом. У Питера сдавило горло. Он смотрел на здание, третье от угла. Добротный кирпичный дом в три этажа, с подвалом, в котором стирали белье и хранили продукты, с небольшим двором позади, засаженным кустарником. Кто теперь живет в этом здании? Этого он не мог знать.

Спустя минуту он тихо спросил:

– А Москву можно показать?

– Пожалуйста.

² Гауэр-стрит, улица в центре Лондона в районе Блумсбери.

Питер увидел Кремль, Красную площадь, заполненную гуляющими, потом незнакомую широкую улицу.

По тротуару шли неспешно люди, многими рядами ехали машины. Широкую улицу сменила узкая, втиснутая меж старых зданий. И здесь прогуливались люди.

– Спасибо, – сказал Питер. – Я хочу спать.

Экран погас.

Глава 4

– Доброе утро, – услышал Питер, как только раскрыл глаза. – Доктор Андерсон просила передать, что задерживается. Она приедет позже.

Питер покосился на робота, стоявшего рядом.

– Она лично позвонила?

– Да.

Умывшись и приведя себя в порядок, Питер захотел вдруг посмотреть, что за вид открывается за окном. Он увидел просторный двор, ограниченный с четырех сторон стенами здания, сад – с дорожками, фонтаном, небольшим прудом, деревьями и кустарником. Гуляющих там было совсем немного, человек десять.

– Ваш завтрак, – раздался позади голос робота.

Питер вернулся на кровать, но не стал ложиться, а сел, взял в руки плошку.

– А нельзя ли получить кусок мяса? – Он смотрел насмешливыми глазами на робота. – Натуральную котлету или стейк.

– Я даю вам то, что мне приказано давать, – безапелляционно произнес робот. – Поговорите с доктором Кацавом. Если я получу новые указания, я их тут же выполню.

Глупо было рассчитывать на иное. Зачем он вообще затеял этот разговор? Позавтракав, Питер вновь подошел к ок-

ну. Было в том садике, что лежал за окном, нечто привлекательное. Уголок природы, втиснутый меж зданий, накрытый стеклянной крышей от непогоды.

Там, у окна, и застали его Кацав и Ашруни. Сопровождаемый их взглядами, он дошел до кровати, лег. Привычная процедура не была в тягость. Он решил использовать время, обратился к доктору Кацаву.

– Скажите, доктор, когда я смогу перейти на обычную пищу? Так хочется съесть кусок мяса, запить его пивом. Или вином.

Доктор смотрел на него с максимальной предупредительностью.

– Вы – любитель поесть и выпить?

– Не сказал бы, что я помешан на еде, хотя иной раз могу с удовольствием посидеть в ресторане. Все зависит от кампании. Но сейчас мне патологически хочется съесть свиную отбивную или сочный стейк.

– Понимаю, но я не советовал бы вам спешить с приемом твердой пищи. Ваш желудок так же отвык от твердой пищи, как и мышцы рук и ног – от движений. Немного потерпите.

– Сколько?

– Пару дней. Это как минимум.

Такой срок вполне устраивал Питера.

Когда процедура закончилась и накладки были сняты, Кацав произнес:

– Восстановление двигательных функций мышц идет

успешно. Переходим к активному периоду вашей реабилитации. Теперь вы должны больше стоять, чем лежать. Я попрошу опытного физиотерапевта заняться вами. Оставляю вас до вечера.

Он пошел к выходу. Ашруни, приветливо кивнув, последовал за ним.

Оставшись в одиночестве, Питер прогулялся по палате, встал перед окном. Ему нравилось глядеть на тот придуманный кусок природы, который втиснули во внутренний двор.

Звук раскрывшейся двери заставил его обернуться. Он увидел, как робот заслонил от него вошедшего, а потом отъехал в сторону. Перед Питером стоял высокий крепыш атлетического вида. Радостно улыбаясь, он протянул руку.

– Меня зовут Эндрю Мэлиган. Я — физиотерапевт. — Он говорил по-английски. Питер ощутил крепкое пожатие. — Мне бы хотелось увидеть ваши показатели.

– Я их не знаю, — возразил Питер.

– В этом нет необходимости. — Мэлиган посмотрел на робота. — Выведи показатели на экран.

Тотчас на стене появились какие-то графики, цифры. Питер смог разобраться лишь в давлении — сначала оно было низким, а к нынешнему дню полностью пришло в норму.

– Хорошо... Необходимо доставить сюда тренажеры, — вновь обратился к роботу Мэлиган.

– Простите, но я не имею права надолго оставлять господина Мореффа, — сообщил робот. — Воспользуйтесь, пожа-

луйста, услугами другого робота.

– Я скоро вернусь. – Это уже прозвучало для Питера.

Мэлиган энергичным шагом направился к выходу. Минут через десять дверь распахнулась, один за другим въехали три робота, груженные оборудованием. Вскоре на свободном пространстве палаты появились тренажеры: беговая дорожка, велотренажер, атлетический центр.

– Вам лучше переодеться. – Мэлиган положил на стул майку и спортивные трусы.

Отвернувшись от него, Питер сбросил пижаму, надел трусы, майку. Подвигал руками – удобно.

– Начнем с упражнений для мышц спины и рук. Нагрузку я поставлю небольшую. И не старайтесь менять ее без меня. Слышите?

Питер кивнул. Мэлиган нажал какие-то символы на пульте атлетического центра.

– Давайте попробуем. Садитесь.

Питер сел на удобное упругое сиденье, взялся за рычаги, сделал несколько движений. Тотчас на ожившем экране появились многочисленные данные. Питер продолжил занятия, глядя на то, как растет частота пульса. Минуты через три Мэлиган произнес:

– Довольно. Давайте сменим упражнение. Потренируем бицепсы.

Потом Питер тренировал брюшной пресс, после этого крутил педали велотренажера, причем на экране убегала под

мнимые колеса дорога, с одной стороны которой плескалось море, а с другой – поднимался горный склон, создавая ощущение реальной езды, усиливающееся оттого, что, когда дорога шла вверх, крутить колеса было тяжелее, чем когда дорога шла вниз. Вслед за тем Питер шел быстрым шагом по беговой дорожке, а экран пытался убедить его, будто он движется по лесной тропинке.

– Хорошо, – довольно проговорил Мэлиган. – До вечера три раза повторите все упражнения. С перерывом в два часа. Тренажеры не позволят вам превысить нагрузку и длительность упражнения. А завтра, быть может, изменим и нагрузку, и длительность. Посмотрим на результаты. Всего хорошего. До завтра.

Оставшись один, Питер сначала хотел отдохнуть, полежать на кровати, но потом решил принять ванну. Кран выполнил указания. Вода набралась удивительно быстро. Скинув майку и трусы, он шагнул в округлое пространство, заполненное прозрачной жидкостью. Какое это было наслаждение – погрузиться в воду, не холодную и не горячую. Оказаться в среде, такой приятной, дружелюбной для человека.

Питер блаженствовал, размышляя о событиях последних дней. Ощущение чего-то невозможного все еще не покидало его. Неужели все правда? Неужели он получил будущее в подарок? Именно в подарок. Он же не просил перемещать его на пятьдесят лет вперед. С другой стороны, разве он не заслужил этого? Много лет честно служил закону, боролся с

международной преступностью... «Жаль, что Мария умерла, – думал он. – Жаль. Но я надеюсь, что найдется Виктория. Мне так хочется увидеть ее... Кто же причастен к покушению на меня? Линард Калныньш или Ивар Звиедрис? А может быть, ни один из них? Такой вариант вполне вероятен. Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы так оно и было. Но если...»

Дверь ванной раскрылась, на пороге стоял робот.

– Доктор Андерсон приехала, – сообщил он.

– Я скоро выйду, – не без сожаления проговорил Питер.

Как только дверь закрылась, он покинул столь притягательную водную среду, вытерся полотенцем, надел махровый халат, висевший на крючке. Завязав пояс, вышел в палату.

Линда стояла около окна. Повернулась, услышав его шаги.

– Здравствуйте. Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно. – Питер старался излучать бодрость.

– Вот, – он указал на тренажеры, – приступил к активному периоду восстановления. Разумеется, не сам, а по решению доктора Кацава. Мною теперь занимается физиотерапевт по фамилии Мэлиган. Весьма бойкий человек. Надеюсь, у вас тоже всё в порядке?

– Да, – как-то рассеянно произнесла она.

– Что, некая срочная работа?

– Я ездила в Лион. Изучала документы, касающиеся Линарда Калныньша. – Тихая улыбка проявилась на её лице. – Слово человек прошлого, копалась в бумажных докумен-

тах: записках, рапортах, справках.

– Сейчас такого не бывает?

– Нет.

– Что-нибудь нашли?

– Нашла. – Она помолчала, будто решая, сказать Питеру или нет. – Директор ВБР Джон Берджес и Линард Калныныш – родственники. Они – двоюродные братья. Младшая сестра матери Калныныша – то есть его тетка Хелена Берджес – является матерью Джона Берджеса. И у той, и у другой фамилия до замужества была Розе. Их отец – профессор права, преподававший в Рижском университете, Карл Розе. В девяностых годах прошлого века Хелена поехала учиться в США, в Калифорнийский университет в Беркли, который находится подле Сан-Франциско. Там она закончила юридический факультет. И осталась в США, потому что встретила там Уильяма Берджеса, учившегося в том же университете, за которого и вышла замуж. Калныныш приезжал в США, когда Джон Берджес был еще подростком. Похоже, именно Калныныш заинтересовал своего двоюродного брата работой в полиции.

«Любопытно, – думал Питер. – Весьма любопытно. Только что это меняет?» Последняя мысль выскользнула наружу, обратилась в звук:

– Что это меняет?

– Пока что не знаю... – Линда пристально глянула на него. – В принципе, нехорошо предлагать своего родствен-

ника на должность заместителя директора. Но это не преступление.

– Особенно, если Калныныш – порядочный человек и прекрасный профессионал. Как в этом убедиться? – Питер покосился на робота. – Линда... нет опасности утечки информации через нашего... помощника? Он, как я понимаю, записывает все разговоры. Эти записи не могут попасть к тем, кому никак нельзя их получить?

Линда не успела ответить, потому что ее опередил робот.

– Простите, что я вмешиваюсь, но вы напрасно беспокоитесь. Я настроен так, что могу дать подобную информацию только господину Фацио и доктору Андерсон.

«Надо же, понял, что я имею в виду. – Питер был удивлен. – До чего дошел прогресс... А почему пресса ничего не раскопала?»

– Скажите, почему это не раскопали досужие журналисты? – немедленно спросил он.

– Деятельность сотрудников ВБР не находится на виду. По вполне понятным причинам. Это относится и к руководителям разного уровня. Уверяю вас, про Калныныша общественность ничего не слышала. Имя Джона Берджеса ей известно, но не более того. Все контакты с прессой осуществляет его заместитель по связям с общественностью.

Питер едко ухмыльнулся.

– Американцы подсунули закрытую систему.

– Вы не любите американцев?

– Вовсе нет. Я к ним отношусь хорошо. Но продукция Голливуда меня никогда не устраивала. Как и быстрая еда. И внешняя политика США, нацеленная на создание однополярного мира. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Мир стал совсем другим. Но где справедливость? Россию разделили на пять частей, Китай – тоже разделили. А США – практически нет. Это справедливо?

Спокойствие не покинуло ее.

– На территории России и Китая в первые десятилетия двадцать первого века не было стабильности. А на территории США она сохранялась. Причем США помогали восстанавливать стабильность и в России, и в Китае. – Она походила на терпеливую учительницу, объясняющую важные вещи нерадивому ученику. – И потом, США уже не та страна, которую знали вы. Белое население давно уже стало меньшинством. Сейчас большинство составляют выходцы из Латинской Америки, а на втором месте по численности – выходцы из Азии.

Это был сильный довод. Питер признал, что Линда его уела. США – латиноамериканская страна с большим процентом азиатского населения. Надо же! Кто бы мог подумать.

– Вам пора обедать, – напомнил робот. – Вместе с тем, скоро настанет время делать упражнения на тренажере. Простите, но я бы рекомендовал вам начать с упражнений, а потом пообедать. Если вы согласны, то не затягивайте, приступайте прямо сейчас. Необходимая одежда в ванной.

Линда смотрела на него с легким ехидством.

– Разумно последовать этому совету. Не буду вам мешать.

Пойду обедать в здешнюю столовую.

Переодевшись в трусы и майку, Питер приступил к занятиям на тренажерах. Экран показывал ему оставшееся время данного упражнения, пульс, давление. Когда он увлекся, начал двигать ручками атлетического центра слишком резво, прозвучал сигнал и высветилась красная надпись: «Вы превысили допустимый уровень нагрузки». Ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться, притормозить.

Закончив занятия на тренажерах, он получил привычные плошки. Ситуация с пищей почему-то не менялась. Роптать он не стал – выходит, его желудок отстаёт от мышц. Врачам виднее.

Линда вернулась, когда он прогуливался по палате.

– Вы как заправский спортсмен, – бодро проговорила она.

– Это комплимент или насмешка?

– Разве я похожа на человека, склонного к насмешкам?

Питер не почувствовал обиды в её голосе. Он собрался сказать что-нибудь шутовское, но в этот момент дверь раскрылась. Появился человек лет пятидесяти, статный, солидный. Он подошел к Питеру неспешными шагами, неся елеяное выражение на лице.

– Здравствуйте, – по-русски проговорил он. Легкий акцент подсказывал – это не родной для вошедшего язык. – Я дождался, когда вы будете чувствовать себя лучше. И при-

шел. Я так хотел вас увидеть.

Только теперь Питер узнал его. Линард Калныныш, поста-
ревший, но совсем не старый.

– Здравствуйте, Линард. Очень рад видеть вас. – Питер протянул руку.

Калныныш схватил его руку с такой горячностью, тряс ее с такой энергией, что Питер не мог сомневаться в искренности его чувств.

– Как хорошо, что вы остались живы. Что вас подняли на ноги сейчас. Я выражаю вам сочувствие в связи с тем, что произошло тогда, пятьдесят лет назад. Не уберегли мы вас. Это наша вина. – Он глянул внимательным взором на Линду.

– Это доктор Андерсон, – поспешил объяснить Питер. – Психотерапевт. Помогает мне адаптироваться к нынешней действительности.

Линда сдержанно кивнула ему.

– Линард Калныныш, – вежливо представился он и вновь обратил взор на Питера. – Выглядите вы хорошо.

– Спасибо. Как ваша жизнь? – поинтересовался Питер.

– Грех жаловаться.

– Где вы работаете?

– Во Всемирном бюро расследований. Слышали про него?

– Да. Я спрашивал про Интерпол, и мне сказали, что те-
перь в масштабах планеты действует ВБР. А кем вы там ра-
ботаете?

– Начальником департамента.

– Вы многого добились, – проговорил Питер.

– Старался, – сдержанно, без намёка на рисовку объяснил Калныныш.

Питеру был приятен этот человек. Он ощутил даже укол совести за свои подозрения в отношении Калныныша.

– Что же мы стоим? Давайте сядем.

Питер указал своему давнему коллеге на стул, стоящий рядом. И понял, что если займет другой стул, Линда останется стоять. Этого нельзя было допустить. Обратившись к роботу, он поинтересовался:

– Где нам взять третий стул?

– Никаких проблем, – ответил тот.

Приблизившись к стене, робот открыл еще одну, не замеченную ранее, дверь, за которой оказалась кладовка, и вскоре появился третий стул. Питер дождался, пока усядетсся Линда, занял свободное место, глянул на Калныныша.

– Как там Рига?

– Хорошо. Красивый город. К сожалению, теперь я там редко бываю. – Гость почувствовал необходимость объяснить данное обстоятельство. – Часто не получается. Много работы.

– А где вы сейчас живете?

– В Париже. Штабквартира ВБР здесь.

– Я никак не могу к этому привыкнуть. Слишком засел в памяти Лион.

– Это пройдет. – Калныныш беззаботно улыбнулся.

– Чем собираетесь заняться, когда окончательно восстановитесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.